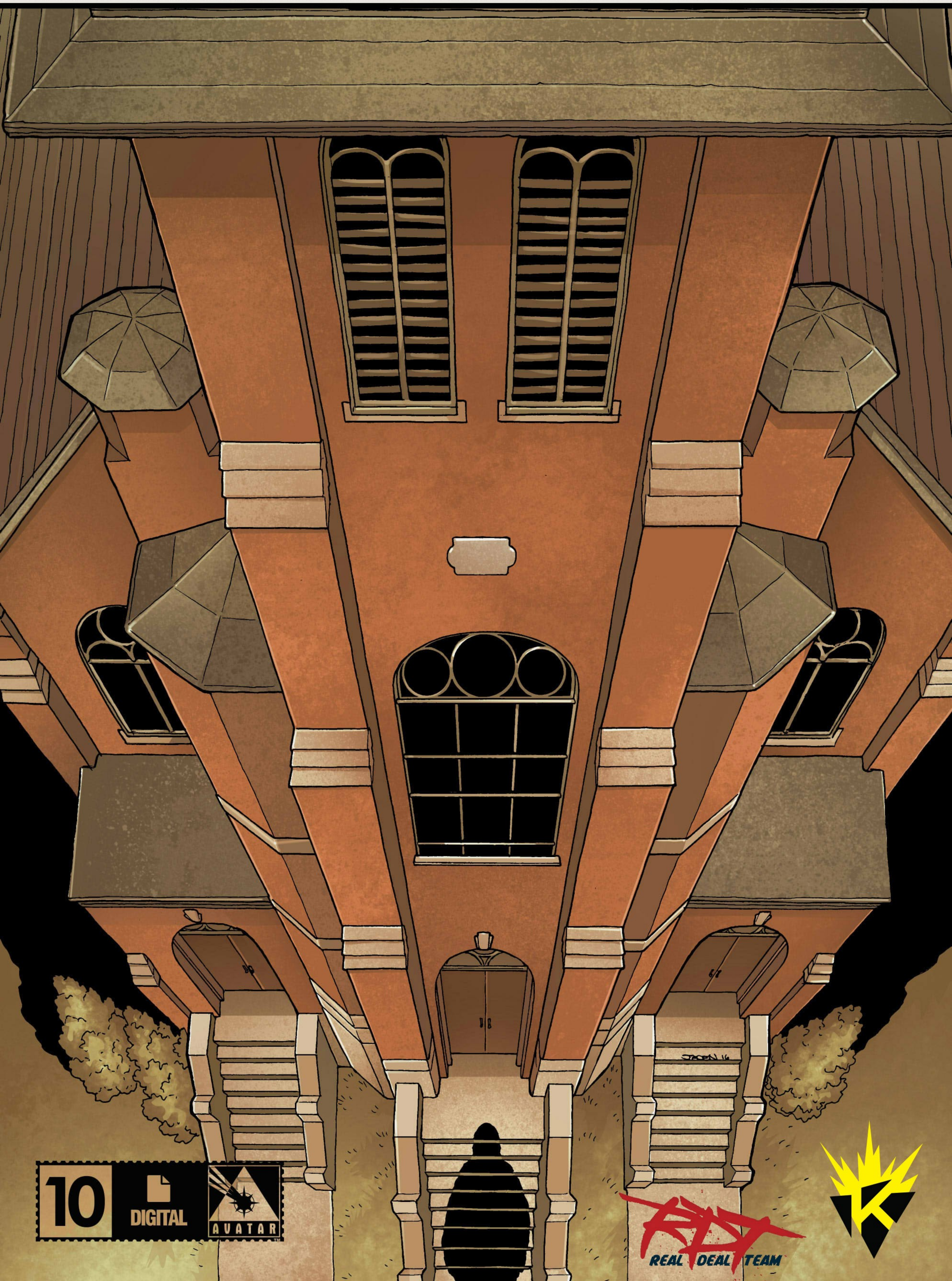

Алан Мур Джейсен Берроус

Провиденс™

10 DIGITAL AVATAR

REAL DEAL TEAM

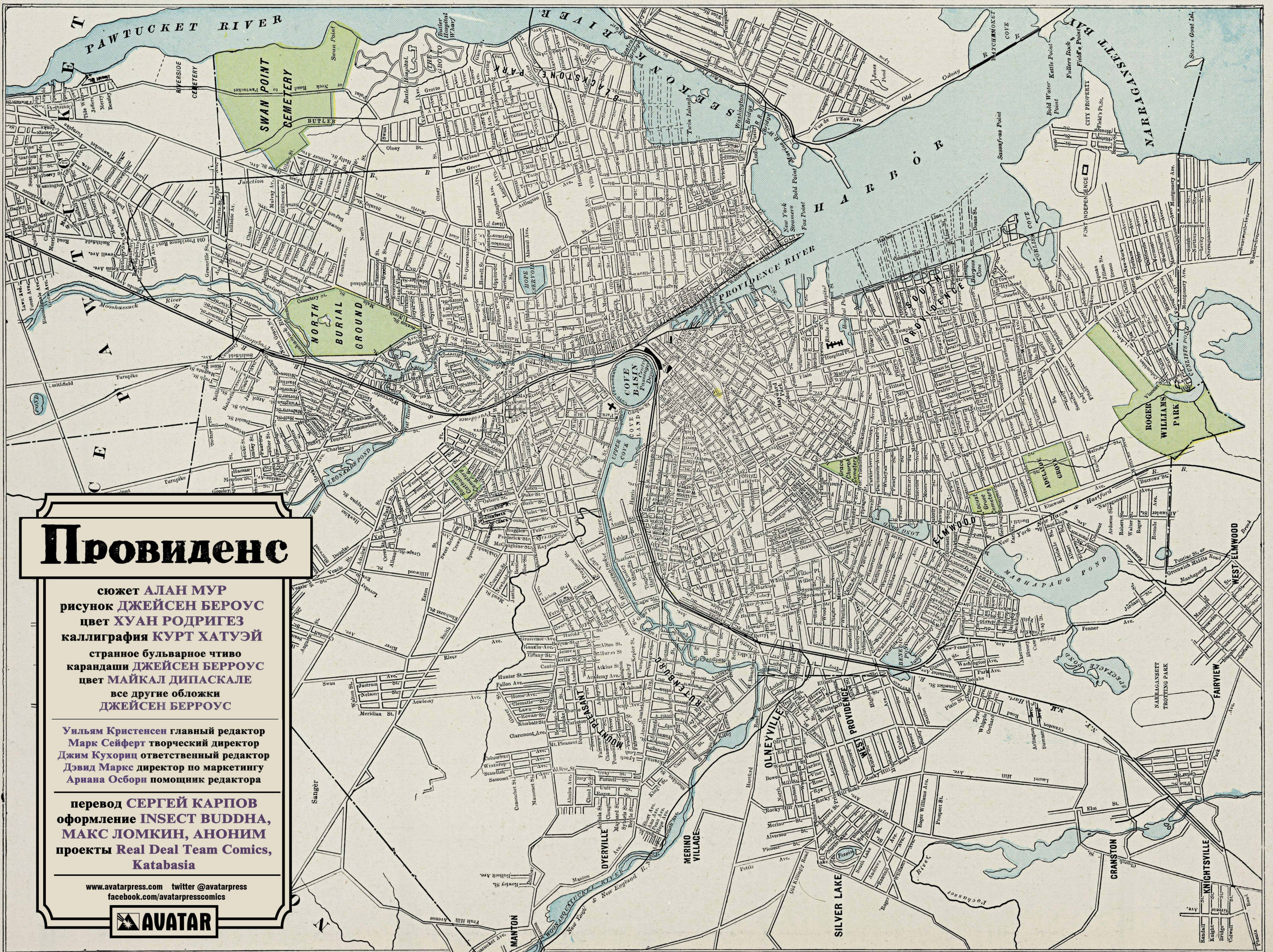
Провиденс

сюжет АЛАН МУР
рисунок ДЖЕЙСЕН БЕРОУС
цвет ХУАН РОДРИГЕС
каллиграфия КУРТ ХАТУЭЙ
странное бульварное чтиво
карандаши ДЖЕЙСЕН БЕРРОУС
цвет МАЙКАЛ ДИПАСКАЛЕ
все другие обложки
ДЖЕЙСЕН БЕРРОУС

Уильям Кристенсен главный редактор
Марк Сейферт творческий директор
Джим Кухориц ответственный редактор
Дэвид Маркс директор по маркетингу
Ариана Осборн помощник редактора

перевод СЕРГЕЙ КАРПОВ
оформление INSECT BUDDHA,
МАКС ЛОМКИН, АНОНИМ
проекты Real Deal Team Comics,
Katabasia

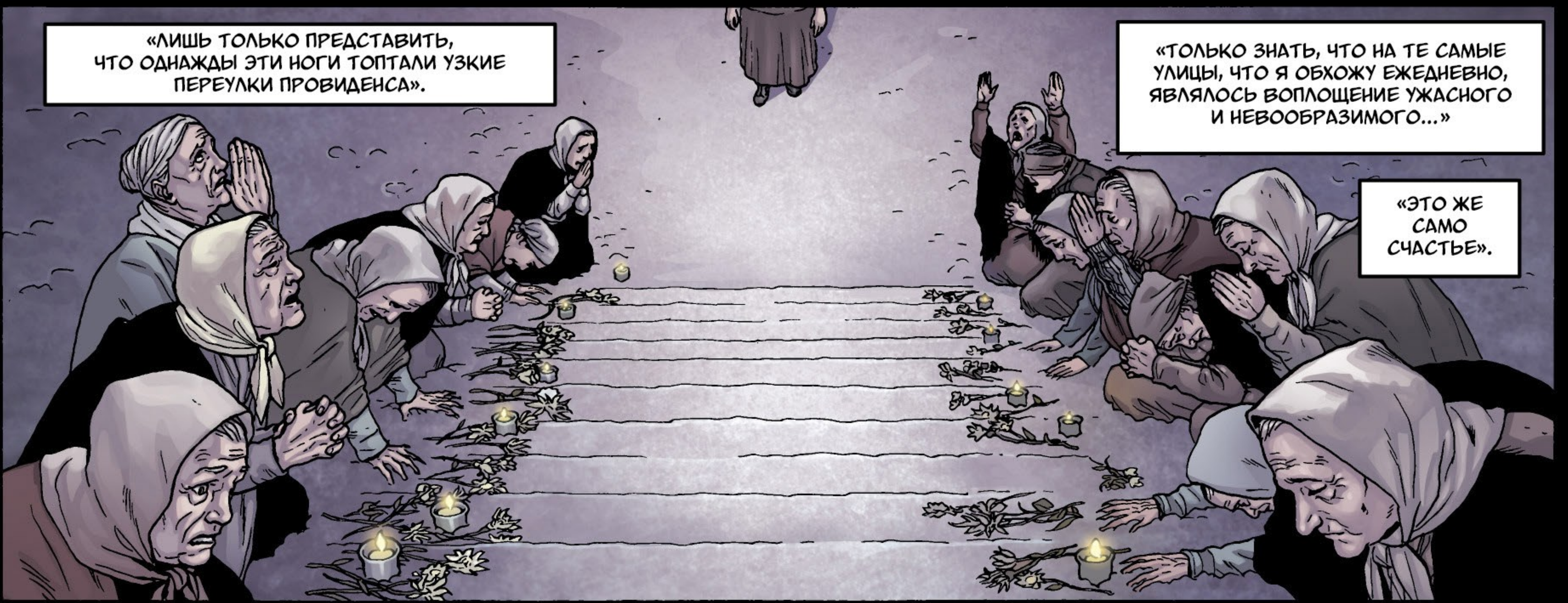
www.avatarpress.com [twitter @avatarpress](https://twitter.com/avatarpress)
facebook.com/avatarpresscomics

«ЛИШЬ ТОЛЬКО ПРЕДСТАВИТЬ,
ЧТО ОДНАЖДЫ ЭТИ НОГИ ТОПТАЛИ УЗКИЕ
ПЕРЕУЛКИ ПРОВИДЕНСА».

«ТОЛЬКО ЗНАТЬ, ЧТО НА ТЕ САМЫЕ
УЛИЦЫ, ЧТО Я ОБХОЖУ ЕЖЕДНЕВНО,
ЯВЛЯЛОСЬ ВОПЛОЩЕНИЕ УЖАСНОГО
И НЕВООБРАЗИМОГО...»

«ЭТО ЖЕ
САМО
СЧАСТЬЕ».

«В ФАНТАЗИЯХ Я ВООБРАЖАЮ,
ЗАХОДЯСЬ ОТ ЛИХОРАДОЧНОГО
ПРЕДВКУШЕНИЯ, ЧТО ОН
ГДЕ-ТО ПОБЛИЗОСТИ».

«О, ЭТО ТЯЖЕЛОЕ ЧЕЛО,
ПОД КОИМ ПОЛЫХАЮТ ПЫТКИ, ЧУМА И ПОГИБЕЛЬ,
НАВЕРНЯКА ПЕСТРЕЮЩЕЕ ИСПАРИНОЙ».

«И ВСЕ ОНИ РОДИЛИСЬ ЗДЕСЬ,
СРЕДЬ СУМРАЧНЫХ КАМНЕЙ, ИЗ СТРАСТИ
УСЛЫШАТЬ СЛОВА ЛИШЬ ОДНОЙ ЖЕНЩИНЫ».

«НЕ МНЕ, КАК И НЕ ПРОЧИМ,
СУДИТЬ ОБ ЭТИХ ПОРЫВАХ
И ОЖИДАНИЯХ».

«И НЕ НАМ ПОЗНАТЬ
АЛКАНИЙ СЕРЦА СТОЛЬ
МОНУМЕНТАЛЬНОГО
СОЗДАНИЯ».

ИЛИ ИР
ИХХИГР.

СЕЙЧАС ЕСТЬ
РАНЬШЕ.

И ТЕМ ПАЧЕ
КОПАТЬСЯ
В ДУШЕ ПОЧТЕННОГО
МИСТЕРА ПО...

... ИЛИ,
ЕСЛИ НА ТО ПОШЛО,
ЛЮБОГО ДРУГОГО
ЧЕЛОВЕКА.

Х: ПРОКЛЯТЫЙ ДВОРЕЦ

ЗНАЧИТ, МИСТЕР ПО
БЫЛ ЗДЕСЬ ПРОЕЗДОМ,
КОГДА УХАЖИВАЛ ЗА МИССИС
УИТМАН, ДОМ КОТОРОЙ
ТЫ МНЕ ПОКАЗАЛ.

КАКОЙ АВТОР!
ЕГО ИСТОРИИ
ТАК **ОПЬЯНЯЮТ**,
ЧТО Я НЕ ЗАДУМЫВАЮСЬ,
ГДЕ И КОГДА ОНИ
ПРОИСХОДЯТ.

ИЗРЯДНО СКАЗАНО.
ХРОНОТОП ЕГО ВСЕГДА
МНОГОЗНАЧИТЕЛЕН,
ЗАИМСТВУЕТ ПОЧТИ ЧТО
ОТ СНОВ, ХОТЯ И
НЕ В ДУХЕ ДАНСЕНИ.

НУ, ЕГО МИР -
СКОРЕЕ, ВЫДУМАННАЯ
МИФОЛОГИЯ.

КСТАТИ ГОВОРЯ,
МЕНЯ ПОРАЗИЛ РАССКАЗ
«БЕЛЫЙ КОРАБЛЬ»,
КОТОРЫЙ ТЫ ПОКАЗАЛ.
И ТЫ НАПИСАЛ ЕГО
ДО ТОГО, КАК ПРОЧЕЛ
ДАНСЕНИ?

ДА, ХОТЯ ЛИШЬ
ЗА НЕДЕЛЮ. МЕНЯ
ВДОХНОВИЛИ ОДНИ
УЖЕ **НАЗВАНИЯ**.

ОБРАТИМ
СТОПЫ НАЗАД?
МНЕ ДОКУЧАЕТ
ДЕКАБРЬСКАЯ
СТЫНЬ.

КОНЕЧНО.

ДОЛЖНО БЫТЬ,
В ДАНСЕНИ ТЫ НАШЕЛ
РОДСТВЕННУЮ **ДУШУ**.

О, БЕССПОРНО.
ПОРОЮ МНИТСЯ,
ЧТО БЛАГОРОДНЫЙ ПЛАНКЕТТ
И ЕСТЬ Я САМ, ВО ВСЕХ
ОТНОШЕНИЯХ.

ОДНАКО ПУСТЬ ЕГО
ВЫМЫШЛЕННЫЕ МИРЫ ОБВОРОЖИТЕЛЬНЫ,
Я НАХОЖУ, ЧТО МЕНЯ ВСЕ БОЛЕ МАНИТ
НЕКОТОРЫЙ **РЕАЛИЗМ** В ФАНТАСТИКЕ -
КАК ПОРОЮ И МИСТЕРА ПО.

ХМ. КАЖЕТСЯ,
ПО НЕМАЛО ВЕЩЕЙ
ОСНОВЫВАЛ НА РЕАЛЬНЫХ
СОБЫТИЯХ, КАК РАССКАЗ
О МАРИ РОЖЕ...

ИМЕННО.
НЕ СТАНЕМ ЗАБЫВАТЬ
И О **МИСТИФИКАЦИЯХ**,
ВРОДЕ «ЗОЛОТОГО
ЖУКА», КОТОРЫЙ ОН
СПЕРВА ДЕКЛАРИРОВАЛ
РЕПОРТАЖЕМ.

МЕНЯ ИНТРИГУЕТ
СЕЙ ПОДХОД. Я ДАЖЕ
ПОЧЕРПНУЛ ВДОХНОВЕНИЕ
В **ТВОИХ РАБОТАХ**,
ЮНЫЙ РОБЕРТУС.

МОИХ? ГОВАРД,
МНЕ ЭТО ПРИЯТНО СЛЫШАТЬ,
НО НЕ О **ТЕТРАДИ** ЛИ
ДЛЯ ЗАМЕТОК, ЧТО Я
ТЕБЕ ОДОЛЖИЛ,
ТЫ ГОВОРИШЬ?

ЧТО Ж, НЕ СТОЛЬ
О ТВОИХ ПРЕВОСХОДНЫХ
ИДЕЯХ, СКОЛЬ О НЕОБЫЧНОМ
НАСТРОЕНИИ, НАВЛЕЧЕННОМ
ДНЕВНИКОВЫМИ ЗАПИСЯМИ.

ПРЕЖДЕ ПРОЧТЕНИЯ ТВОИХ
ПОТУСТОРОННИХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ
ОТ НОВОЙ АНГЛИИ Я НЕ ПОЛАГАЛ
РОДНОЙ КРАЙ УМЕСТНЫМ ФОНОМ
ДЛЯ ФАНТАСТИЧЕСКОГО.

ТЫ... ГОВАРД,
ТЫ ЧТО ЖЕ,
ШУТИШЬ?

ОТНЮДЬ.
НИКТО НЕ ЛЮБИТ
МОИХ ШУТОК.

НЕТ, Я ДАЖЕ УСПЕЛ
АПРОПРИИРОВАТЬ
ДЕТАЛИ ТВОЕЙ ВСТРЕЧИ
С МИСТЕРОМ **ЭНСЛИ**
В ПРОШЛОМ МЕСЯЦЕ.

ДЛЯ ПУСТЯЧНОГО
АНЕКДОТЦА, КОТОРЫЙ
НАБРОСАЛ ТОЛЬКО ЧТО.
ЕСТЕСТВЕННО, ИМЯ **ЭНСЛИ**
Я ЗАМЕНИЛ НА ИМЯ ЕГО КУЗЕНА
ТИЛИНГАСТА - ЭТО
РАСПРОСТРАНЕННЫЕ
МЕСТНЫЕ ФАМИЛИИ.

Я П-ПОЛЬЩЕН.
ТЫ ИМЕЕШЬ В ВИДУ
МАТЕРИАЛ О ПОСЕЩЕНИИ
ЕГО ЛАБОРАТОРИИ?

О, ЧУДОВИЩНО
ПРИУКРАШЕННЫЙ,
ЗАБЕРЯЮ.
И ВСЕ ЖЕ ПОВОДОМ
ДЛЯ ВОСТОРГА
ПОСЛУЖИЛО МЕСТО
ДЕЙСТВИЯ.

ХОТЬ Я ЕГО НЕ НАЗВАЛ,
НО ЭТО ЗДЕСЬ.
ЭТО **ПРОВИДЕНС!**

Я ДАЖЕ
УПОМЯНУЛ АДРЕС
НА **БЕНЕВОЛЕНТ-СТРИТ.**
УМОРИТЕЛЬНО!

ОГО. У МЕНЯ ПОДСКОЧИЛО
НАСТРОЕНИЕ ОТ ОДНОЙ
МЫСЛИ О ТОМ, ЧТО Я
ВНЕС СВОЙ ВКЛАД.

ПРОШУ БРАТЬ
ЛЮБЫЕ ИДЕИ,
КАКИЕ ЗАБЛАГО-
РАССУДИТСЯ.

ЧТО Ж, ПРИДЕТСЯ
ПЕРЕМЕНИТЬ
ИМЕНА И
НАЗВАНИЯ,
НО...

НАДО ЖЕ,
МИСТЕР **БЛЭК.**
КАКАЯ УДАЧА,
МЫ СНОВА
ВСТРЕТИЛИСЬ.

Г-ГОВАРА?
ГОВАРА ЧАРЛЬЗ?
П-ПРОСТИ. ТЫ ТАК
ИЗМЕНИЛСЯ С НАШЕЙ
ПОСЛЕДНЕЙ ВСТРЕЧИ.

ГОВАРА, ЭТО...
НУ, Э-Э, ЭТО ТОЖЕ
ГОВАРА, МОЙ ДРУГ
МИСТЕР ЛАВКРАФТ.
НУ И НУ, КАКОЙ
СЮРПРИЗ...

ОЧЕНЬ РАД
ПОЗНАКОМИТЬСЯ,
МИСТЕР ЧАРЛЬЗ.

И Я ОЧЕНЬ РАД,
МОЖЕТЕ МНЕ
ПОВЕРИТЬ.

ЧТО ДО ПЕРЕМЕНЫ ВО МНЕ -
Я ТОЛЬКО НАДЕЮСЬ,
ЧТО СТАЛ ВЗРОСЛЕЕ С ТЕХ ПОР,
КАК МЫ ВИДЕЛИСЬ, ПОД СТАТЬ
ВЫДАЮЩЕМУСЯ ПРЕДКУ.

Э-Э... ДА, ГОВАРА - ПОТОМОК
САЛЕМСКОГО КОРАБЕЛЬНОГО МАГНАТА
ЯФЕТА КОЛВИНА, ПЕРЕБРАВШЕГОСЯ
В ПРОВИДЕНС.

ВОТ КАК?
ЧРЕЗВЫЧАЙНО
ЗАНИМАТЕЛЬНО.

О ДА. Я И САМ УШЕЛ В ИСТОРИЮ
С ГОЛОВОЙ. МИСТЕР ЭНСЛИ
ТАК МНОГО РАССКАЗАЛ О ПРЕДКЕ
И ЕГО НАТУРЕ.

МЫ ВСТРЕЧАЕМСЯ
С НИМ В НАШЕМ
СВЯТИЛИЩЕ,
ЧТОБЫ ОБСУДИТЬ
ПРОШЕДШИЙ
ФЕСТИВАЛЬ...

НУ, РОЖДЕСТВО -
ОЖИВЛЕННОЕ ВРЕМЯ.
НО НАМ УЖЕ ПОРА
ПРОДОЛЖАТЬ ПУТЬ.
СЧАСТЛИВО, ГОВАРА.

ДОБРОГО
ВАМ ДНЯ, СЭР.

О,
ПОКОРНЕЙШЕ
БЛАГОДАРИЮ.

И ДОБРОГО ВЕЧЕРА
ВАМ, ГОСПОДА.

ХМ. Я, Э-Э, ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ.
ЭТО П-ПАРЕНЕК, КОТОРОГО Я ВСТРЕТИЛ
У ЭННСЛИ И КОТОРЫЙ ПОКАЗЫВАЛ МНЕ
ДРУГУЮ ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО ИОАННА.

ОН САМ НА СЕБЯ НЕ ПОХОЖ.
КАК ГОВОРIT, КАК ДЕРЖИТ СЕБЯ.
ДАЖЕ ЭТА ТРУБКА...

О,
МАЛЬЧИШКИ
СПЕШАТ
НАВСТРЕЧУ
ВЗРОСЛОЙ
ЖИЗНИ.

НО МЫ ГОВОРИЛИ
О ТВОЕЙ ТЕТРАДИ
ДЛЯ ЗАМЕТОК.

Я НАСЛЫШАН
О ПОДОБНЫХ, НО ПРЕЖДЕ
НЕ ДЕРЖАЛ В РУКАХ.
Я ПОЛОЖИТЕЛЬНО
НАСТРОЕН ПРИОБРЕСТИ
СЕБЕ ТАКУЮ ЖЕ.

НЕКОТОРЫЕ
ЗАМЕТКИ ПРОВО-
ЦИРУЮТ БЕЗГРАНИЧНЫЙ
ПОЛЕТ ФАНТАЗИИ.
ВЗЯТЬ ИМЯ ХАЛИ:
ЕГО УПОМИНАЕТ И МОЕ
НЕДАВНЕЕ ОТКРЫТИЕ,
МИСТЕР БИРС.

АМБРОЗ БИРС?
В САМОМ ДЕЛЕ?
МНЕ КАЗАЛОСЬ,
Я ПОМНЮ ИМЯ
ИЗ ТВОРЧЕСТВА
РОБЕРТА
ЧАМБЕРСА.

ЧАМБЕРСА, ПИСА-
ТЕЛЯ-РОМАНТИКА?
НИ ЗА ЧТО БЫ
НЕ ПОДУМАЛ.

БИРС НАЗЫВАЕТ
ХАЛИ ПРОРОКОМ,
ЧТО НЕДАЛЕКО ОТ ТВОЕГО
БЕЗУМНОГО АРАБА,
ХАЛИДА ИБН ЯЗИДА.

КАЖЕТСЯ,
У ЧАМБЕРСА ХАЛИ -
НАЗВАНИЕ ОЗЕРА.

И ЗНАЕШЬ, Я БЫ НЕ СТАЛ
СБРАСЫВАТЬ СО СЧЕТОВ ЕГО
ПРОИЗВЕДЕНИЯ. ПО КРАЙНЕЙ
МЕРЕ, «КОРОЛЬ В ЖЕЛТОМ» -
ОЧЕНЬ СТРАННАЯ ВЕЩЬ.

ТОГДА Я ПОСПЕШУ
ОКУНУТЬСЯ В ЕГО
ТВОРЧЕСТВО.

ЗНАЕШЬ, ЮНЫЙ РОБЕРТУС, ТВОЙ ВИЗИТ
СТАЛ ЖИВИТЕЛЬНЫМ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛОГО
ДЕДУШКИ ТЕОБАЛДА. ТЫ РАСКРЫЛ ПРЕДО МНОЙ
НЕВЕДОМЫЙ ДОСЕЛЕ PROVIDENS.

БОЛЕЕ ТОГО, Я УЖЕ
ОДОБРИТЕЛЬНО ОТОЗВАЛСЯ О ТЕБЕ
В КОРРЕСПОНДЕНЦИИ С ДРУГИМИ
СЫНОВЬЯМИ И КОЛЛЕГАМИ.

ОБО МНЕ?
СЕРЬЕЗНО?

О ДА. ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ Я УПОМЯНУЛ ТЕБЯ В ПИСЬМАХ ЛАВМЕНУ, ДОРОГОМУ САМУЭЛУСУ.

ТЫ ДОЛЖЕН ПОМНИТЬ ЕГО ПОЭМУ «ГЕРМАФРОДИТ», ЧТО Я ПОКАЗЫВАЛ РАНЕ. В МАНЕРАХ ЛАВМЕНА НЕМАЛО СХОДСТВ С ТВОИМИ.

ВЫ ОБА АДОНИСЫ...

П-ПОМНЮ. ПОЭМА О ЛЮБВИ К ДРУГИМ МУЖЧИНАМ. Я К-КАК РАЗ ХОТЕЛ О НЕМ ОСВЕДОМИТЬСЯ...

О, ОН ВРАЩАЕТСЯ В ДВУПОЛЫХ КРУГАХ, ЭТО ТАК.

Э-Э... ДА. ОТВРАТИТЕЛЬНО.

ОДНАКО Я УБЕЖДЕН, ЧТО САМУЭЛУС СТРЕМИТСЯ К ПЛАТОНИЧЕСКОМУ ИДЕАЛУ, НЕЖЕЛИ ЧЕМ ЖЕЛАЕТ ЗАМАРАТЬСЯ ПРЕЗРЕННОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ.

Я НЕМАЛО СЛЫШАЛ О ПОДОБНЫХ ЖЕМАНЫХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ, ПРОЦВЕТАЮЩИХ В БЮ-ИОРКЕ. ЗРЕЛИЩЕ, СМЕЮ ПОЛАГАТЬ, ТОШНОТВОРНОЕ.

И ВСЕ ЖЕ Я УВЕРЕН, ЧТО НИЗМЕННЫЕ СКЛОННОСТИ ЛАВМЕНА ОСТАЮТСЯ НЕВОПЛОЩЕННЫМИ. БУДЬ ИНАЧЕ, КАК БЫ ОН СМОГ ПОРОДИТЬ ТАКУЮ ПАМЯТНУЮ ПОЭЗИЮ?

В САМУЭЛУСЕ МЫ ВИДИМ ОТВАГУ, С КОТОРОЙ ПЕРЕВАРЫВАЮТ ЖИВОТНУЮ НАТУРУ, ДАБЫ СОТВОРИТЬ НЕПРЕХОДЯЩИЕ ВИРШИ.

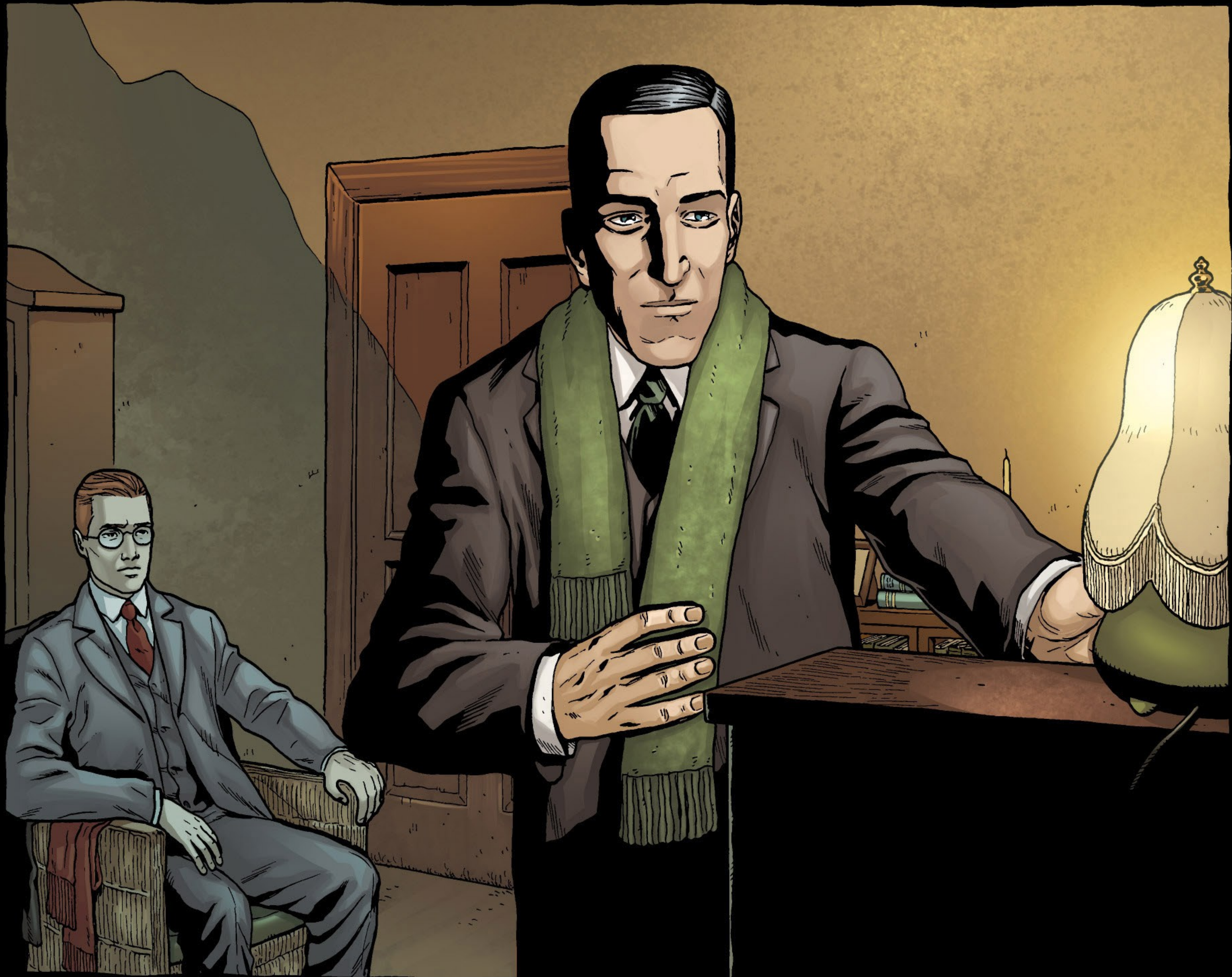
ЧТО ТЕМ ПРИМЕЧАТЕЛЬНЕЙ, ЕСЛИ ВСПОМНИТЬ, ЧТО ЛАВМЕН - ХОТЯ И ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЭТОГО СКВЕРНОГО ПЛЕМЕНИ, - ЖИД.

П-ПО-НЯТНО.

НО ВОТ МЫ И ДОМА, ВДАЛИ ОТ МОРОЗА И ИНФЕРНАЛЬНОГО РОЖДЕСТВЕННОГО ЛИКОВАНЬЯ.

ПОТОРОПИМСЯ ЖЕ К ТЕПЛУ, БОЛЕЕ РАСПОЛАГАЮЩЕМУ К ЦИВИЛИЗОВАННОЙ БЕСЕДЕ.

ВОТ ТАК. ТЕПЕРЬ, В УЮТНОЙ ОБСТАНОВКЕ, ВЕРНЕМСЯ К ТВОЕЙ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ ТЕТРАДИ ДЛЯ ЗАМЕТОК.

ТВОИ НАБЛЮДЕНИЯ ПРОБУЖДАЮТ СТОЛЬ ФАНТАСМАГОРИЧЕСКИЕ ИДЕИ - КТО ЗНАЕТ, ЧТО ЗА АНОМАЛИИ ВЫЙДУТ ИЗ-ПОД МОЕГО ПЕРА?

ХМ. НУ, СПАСИБО. Я РАД, ЧТО ТЫ НАШЕЛ МОИ ТЕКСТЫ... ЗАПОМИНАЮЩИМИСЯ.

НАДЕЮСЬ, МОИ РАЗРОЗНЕННЫЕ МЫСЛИ КАК-ТО ПРИГОДЯТСЯ.

ПОЛНОТЕ, УЖЕ ОДНА АРАБСКАЯ КНИГА БЕСЦЕННА, С ШИФРАМИ И ПРЕДВЕЩЬЯМИ. ОЧЕВИДНО, Я ДАМ ЕЙ МЕНЕЕ ГРОМОЗДКОЕ ИМЯ.

ЧТО ДО АВТОРА - В ДЕТСТВЕ Я СЛОЖИЛ ОДНО ШУТЛИВОЕ АРАБСКОЕ ИМЯ, ЧТО МОЖЕТ ПРИГОДИТСЯ...

А ДЕТСТВО ДЛЯ ТЕБЯ ОЧЕНЬ ВАЖНО, ДА? НАВЕРНОЕ, ИЗ-ЗА НЕГО ТЫ СТАЛ ТАКИМ, КАКИМ СТАЛ.

О, ОДНОЗНАЧНО.
МНЕ ВСЕГДА
КАЗАЛОСЬ,
ЧТО ИСТОРИЯ
И РОДОСЛОВНАЯ
ПРЕДОПРЕДЕЛЯЮТ
СУДЬБУ.

ЧТО ДО НЕЖНОЙ ЮНОСТИ
ТВОЕГО ПРЕСТАРЕЛОГО ДЕДУШКИ,
ИМЕЕТСЯ ОДНА ФОТОКАРТЧКА,
ЧТО МОЖЕТ НАС ПОЗАБАВИТЬ.

ОДНАКО ДАЙ МНЕ СЛОВО,
ЧТО НЕ БУДЕШЬ СМЕЯТЬСЯ...

О, СОМНЕВАЮСЬ,
ЧТО ВЫДАВЛЮ ХОТЬ
УЛЫБКУ.

РЕКОМЕНДУЮ,
РОБЕРТУС, НЕ БЫТЬ
СКОРОПАЛИТЕЛЬНЫМ,
ПОКА НЕ ЗНАЕШЬ,
О ЧЕМ ГОВОРИШЬ.

НУ, Я УЗНАЮ
ТВОЮ МАТЬ И...

О БОЖЕ, ЭТО ТЫ?
ТЫ ТАКОЙ... НУ...

УЗРИ ЖЕ - ЛИЧНОЧНАЯ
СТАДИЯ ОДРЯХЛЕВШЕГО
ЧЕШУЕКРЫЛОГО, ЧТО СТОИТ -
ПУСТЬ И ШАТКО - ПРЕД ТОБОЙ
НЫНЕ.

...НЕ ПО ГОДАМ
ОДАРЕННЫЙ ФОНТЛЕРОЙ?
БОЮСЬ, ТАК. ХОТЯ МОЙ ВИД
ЦЕЛИКОМ ОБЯЗАН
ФАНТАЗИИ МАТЕРИ.

ДА, ДА, МОГУ ПОНЯТЬ.
А ЭТОТ ЧЕЛОВЕК...
ЭТО ТВОЙ ОТЕЦ?

ТАКАЯ ТОГДА БЫЛА МОДА.
ВОЗМОЖНО, РЕДКАЯ,
НО БЫТЮЩАЯ.

ДОЛЖЕН ПРИЗНАТЬ,
ДАЛЕКО НЕ СРАЗУ Я
ОБВЫКСЯ С МЫСЛЬЮ
О ШТАНАХ.

ОН САМЫЙ.
УИНФИЛА СКОТТ ЛАВКРАФТ,
ИСТИННЫЙ СЫН МАТУШКИ
АНГЛИИ, УРОДИВШИЙСЯ
В РОЧЕСТЕРЕ, НЬЮ-ЙОРК.

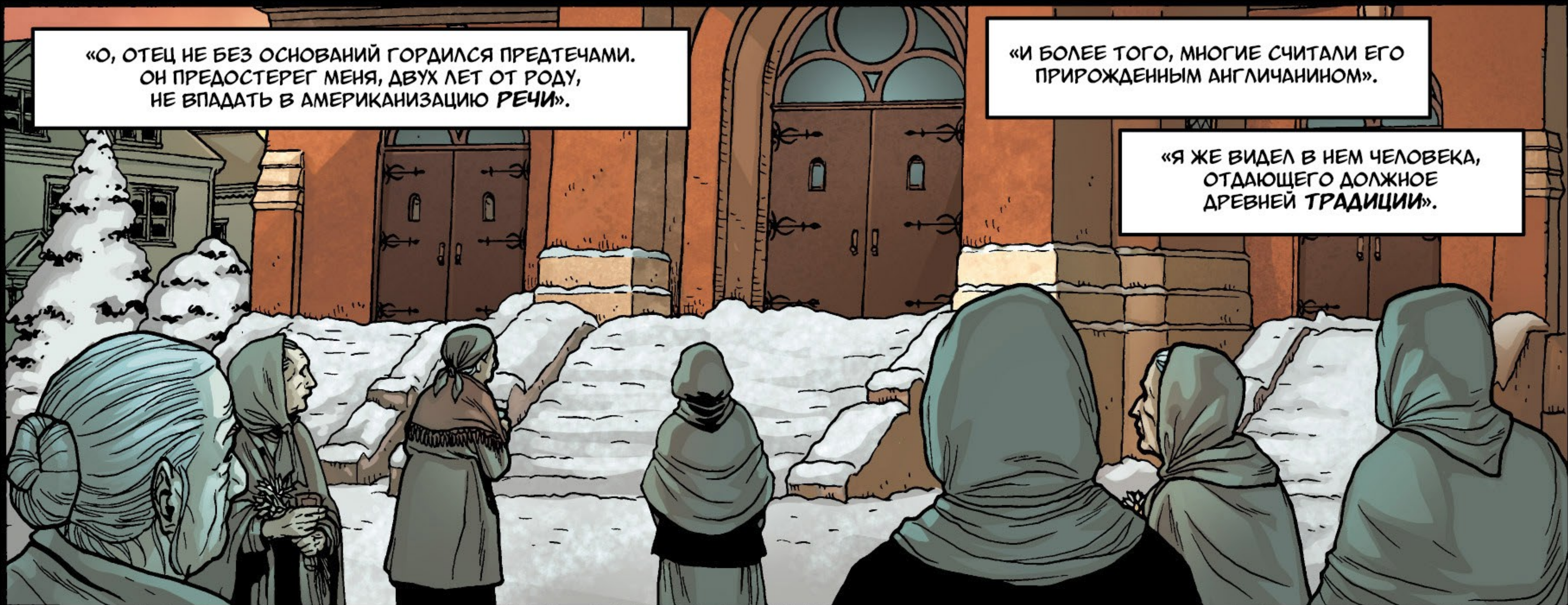
Я... ПРОСТО ПОКАЗАЛОСЬ, ЧТО Я ЕГО УЗНАЛ.
ВОЗМОЖНО, ГДЕ-ТО УЖЕ ВИДЕЛ ЕГО ФОТОГРАФИЮ.
ПОЧЕМУ ТЫ НАЗВАЛ ЕГО «СЫНОМ АНГЛИИ?»

НО ЧТО ЗА ТУЧИ
ОПУСТИЛИСЬ
НА ТВОЕ ЧЕЛО?

«О, ОТЕЦ НЕ БЕЗ ОСНОВАНИЙ ГОРДИЛСЯ ПРЕДЕЧАМИ. ОН ПРЕДОСТЕРЕГ МЕНЯ, ДВУХ ЛЕТ ОТ РОДУ, НЕ ВПАДАТЬ В АМЕРИКАНИЗАЦИЮ РЕЧИ».

«И БОЛЕЕ ТОГО, МНОГИЕ СЧИТАЛИ ЕГО ПРИРОЖДЕННЫМ АНГЛИЧАНИНОМ».

«Я ЖЕ ВИДЕЛ В НЕМ ЧЕЛОВЕКА, ОТДАЮЩЕГО ДОЛЖНОЕ ДРЕВНЕЙ ТРАДИЦИИ».

МНЕ МСТИТСЯ, ОН БЫЛ ПРОТЕЖЕ ДЕДА, ИНАЧЕ НЕ МОГУ ВООБРАЗИТЬ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ЕГО ЗНАКОМСТВА С МОЕЙ МАТЕРЬЮ.

ВПОЛНЕ ВОЗМОЖНО, ОН ЗНАЛ МОЕГО ПРЕДКА ПО КАКОЙ-ТО КУЗНЕЧЕСКОЙ ГИЛЬДИИ ЛИБО ЧЕРЕЗ МАСОНСТВО.

ВНЕ ВСЯКИХ СОМНЕНИЙ, ЕГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ ЛЕГЛИ В ОСНОВУ МНОГИХ МОИХ ПРЕОБЛАДАЮЩИХ УБЕЖДЕНИЙ.

ЗНАЧИТ... Э-Э... ЗНАЧИТ, КОГДА ОН БЫЛ КОММИВОЯЖЕРОМ, ТО КУДА ОН ЕЗДИЛ?

МНЕ ИЗВЕСТНО ЛИШЬ ТО, ЧТО РАССКАЗЫВАЛА МАТУШКА.

НЕДОЛГО ОН ПРОБЫЛ В БОСТОНЕ, НО ТОРГОВЛЯ ЗОЛОТОМ И СЕРЕБРОМ ЗВАЛА В ДАЛЬНИЕ КРАЯ.

НАСКОЛЬКО ПОМНЮ, ЕГО МАРШРУТ ВКЛЮЧАЛ САЛЕМ, НЬЮ-ЙОРК И ЧИКАГО.

А ОН... ОН КОГДА-НИБУДЬ БЫВАЛ В МАНЧЕСТЕРЕ?

НЕ ПО РАБОЧИМ ВОПРОСАМ... ХОТЯ ПРИПОМИНАЮ, КАК ДЕД РАССКАЗЫВАЛ О ЕГО ПОЕЗДКЕ В ТОМ НАПРАВЛЕНИИ, ЕЩЕ ДО МОЕГО РОЖДЕНИЯ.

НО ВОЗВРАЩАЯСЬ К ТЕТРАДИ ДЛЯ ЗАМЕТОК: ДУМАЮ, РАССКАЗЫ С ТВОИМИ МЫСЛЯМИ МОЖНО ВЫДАТЬ ЗА СНЫ.

ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, ТАКИМ БЫЛО МОЕ ОПРАВДАНИЕ ДЛЯ «ДАГОНА».

«МНЕ ИЗВЕСТНО, ЧТО БОЛЬШИНСТВО ПРЕДПОЧИТАЕТ, ЧТОБЫ СТРАННОЕ НЕ ВТОРГАЛОСЬ В УПОРЯДОЧЕННЫЙ ПРОЗАИЧЕСКИЙ МИР ИХ ВОСПРИЯТИЯ».

«ИХ НЕПРИЯЗНЬ СТОЛЬ ВЕЛИКА, ЧТО ТАКИЕ ПЕВЦЫ МАКАБРА, КАК ПО, СЧИТАЮТСЯ ЗАУНЫВНЫМИ ДУШЕВНОБОЛЬНЫМИ».

«УЖ ЛУЧШЕ ПУСКАЙ ЭТИ ТРЕВОЖНЫЕ ВТОРЖЕНИЯ СПИСЫВАЮТ НА МИМОЛЕТНЫЕ СНЫ».

КОНЕЧНО, ДОСТОВЕРНО ПОДДЕРЖИВАТЬ ВИДИМОСТЬ В СЛУЧАЕ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫХ ПОВЕСТВОВАНИЙ НЕПРОСТО...

...НО НАШ ЛУКАВЫЙ ШЕЛЬМЕЦ ТЕОБАЛЬДУС НЕ РЕДКО РАЗДУМЫВАЛ О ТАКОЙ ДОСТОЧИМОЙ СТРАТЕГИИ, КАК МИСТИФИКАЦИИ В ДУХЕ ПО.

ТЫ... У ТЕБЯ, КАЖЕТСЯ, ТЕСНЫЕ ОТНОШЕНИЯ СО СНАМИ.

П-ПОЧТИ КАК БУДТО ОНИ КАЖУТСЯ ТЕБЕ ДРУГИМ МИРОМ.

САМО СОБОЙ. С САМЫХ ДАЛЕКИХ ДНЕЙ ОТРОЧЕСТВА Я БЫЛ БЛАГОСЛОВЛЕН ЭКСТРАВАГАНТНЕЙШИМИ НОЧНЫМИ ВИДЕНИЯМИ.

ПОМНЮ РЕГУЛЯРНЫЕ ВСТРЕЧИ С ВЕЛИКИМИ СТАЯМИ ЧЕРНЫХ КОЖИСТЫХ БЕЗЛИКИХ СУЩЕСТВ С МЫШИНЫМИ КРЫЛЬЯМИ И КОЛЮЧИМИ ХВОСТАМИ.

Я ПРОЗВАЛ ИХ НОЧНЫМИ ПРИЗРАКАМИ. ХУДИМ В ПОЛЕТАХ С НИМИ БЫЛО ТО, ЧТО ОНИ ПОДЛЫМ ОБРАЗОМ ЩЕКОТАЛИ МЕНЯ.

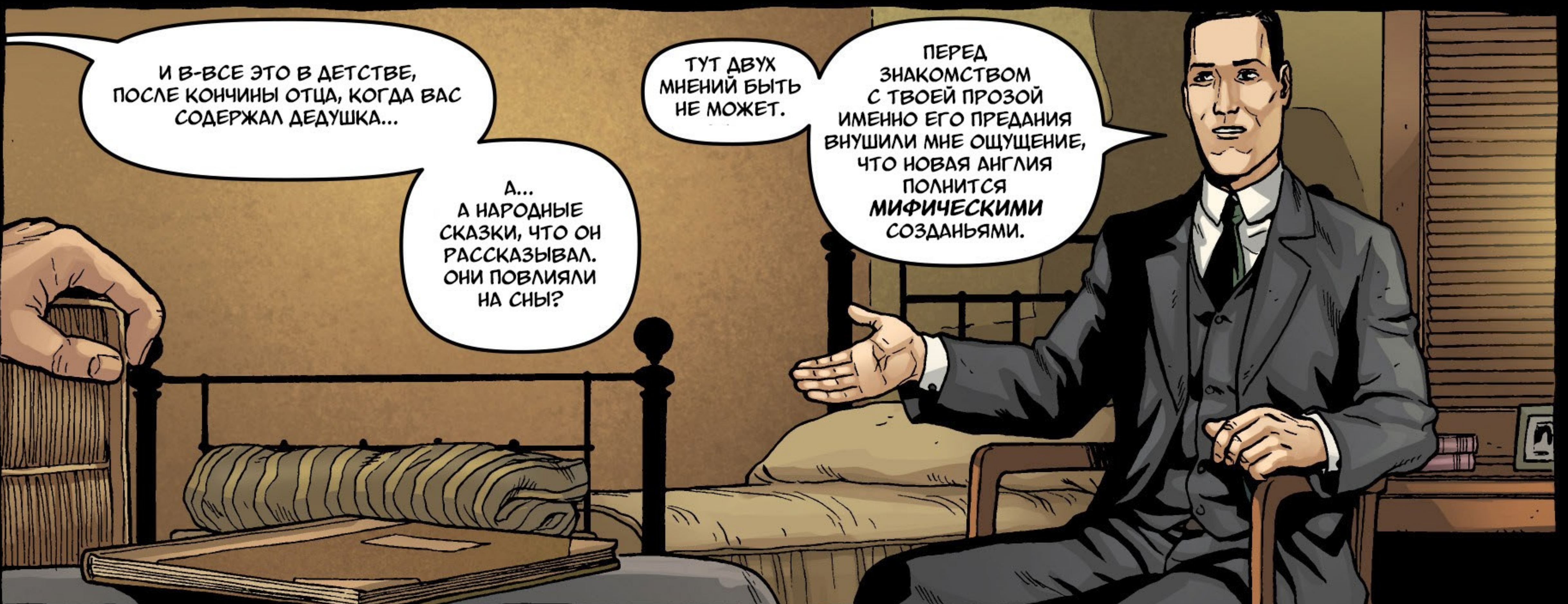

И В-ВСЕ ЭТО В ДЕТСТВЕ, ПОСЛЕ КОНЧИНЫ ОТЦА, КОГДА ВАС СОДЕРЖАЛ ДЕДУШКА...

ТУТ ДВУХ МНЕНИЙ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ.

ПЕРЕД ЗНАКОМСТВОМ С ТВОЕЙ ПРОЗОЙ ИМЕННО ЕГО ПРЕДАНИЯ ВНУШИЛИ МНЕ ОЩУЩЕНИЕ, ЧТО НОВАЯ АНГЛИЯ ПОЛНИТСЯ МИФИЧЕСКИМИ СОЗДАНИЯМИ.

А... А НАРОДНЫЕ СКАЗКИ, ЧТО ОН РАССКАЗЫВАЛ. ОНИ ПОВЛИЯЛИ НА СНЫ?

«ОН ПОВЕДАЛ О ТОМ, ЧЕМ ЗАНИМАЛИСЬ ТЕМНОЛИКИЕ ИММИГРАНТЫ В ЛЕСАХ, - ЖУТКИХ РИТУАЛАХ, ПРИВНЕСЕННЫХ НА НОВУЮ ПОЧВУ С РОДИНЫ».

«О ТЬМЕ И СУЕВЕРИИ В ИХ УБОГИХ И НЕЧИСТЫХ ДИАСПОРАХ. КОЩУНСТВЕННЫХ ИДЕЯХ, ЧТО ОГЛАШАЛИСЬ ВТАЙНЕ НА ЕДВА ЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЯЗЫКАХ».

«НИЗОСТИ, ДО КОТОРЫХ СО ВРЕМЕНЕМ МОГУТ ВЫРОДИТЬСЯ ТАКИЕ ЛЮДИ».

ОН ГОВОРИЛ, ЧТО, НЕ БУДЬ НЕКОТОРЫХ БРАТСТВ, - ПОДРАЗУМЕВАЯ, ДОЛЖНО БЫТЬ, МАСОНОВ, - КОНЕЦ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА СТАЛ БЫ МУЧИТЕЛЬНЫМ И ПОСТЫДНО ГРЯЗНОКРОВНЫМ.

У МЕНЯ ХРАНИТСЯ И ЕГО ДАГЕРРОТИП, ЕСЛИ ТЫ ПРОЯВИШЬ ИНТЕРЕС. НО СПЕРВА Я ВОЗВЕРНУ СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ НА ПОЛОЖЕННОЕ МЕСТО...

ЕГО И-НЕ СЧИТАЛИ... НУ, НЕМНОГО ТРОНУТЫМ?

О НЕТ, НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ. ЧУТЬ ЭКСЦЕНТРИЧНЫЙ, ЗДЕСЬ Я УСТУПЛЮ, А ТАКЖЕ ПОДВЕРЖЕННЫЙ КАК МИГРЕНЯМ, ТАК И АПОПЛЕКСИЧЕСКИМ ПРИСТУПАМ, ОДНАКО ЖЕ УРАВНОВЕШЕННЫЙ.

ЧЕЛОВЕК ВЫДАЮЩИХСЯ ЗАСЛУГ, ОН ОСНОВАЛ ТАУН-ОФ-ГРИН И МАСОНСКУЮ ЛОЖУ. ОН БЫЛ НАКОРОТКЕ С ПОЛИТИКАМИ, ЕПИСКОПАМИ И ГЕНЕРАЛАМИ КОНФЕДЕРАЦИИ.

ПОСУДИ САМ ПО ЕГО СТАТНОЙ ОСАНКЕ...

ВОТ! РАЗВЕ НЕ ВНУШИТЕЛЬНЫЙ МУЖ?

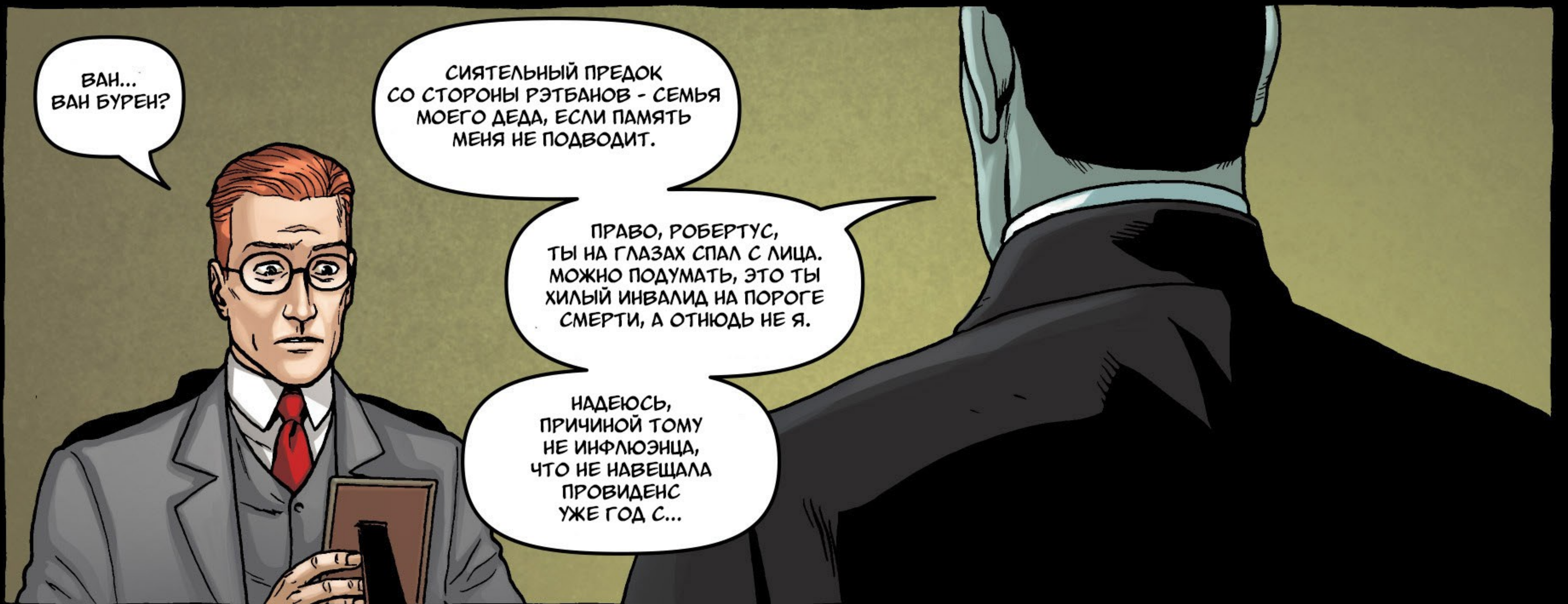
УИПЛА ВАН БУРЕН ФИЛЛИПС.

ДОСТОПОЧТЕННЫЙ ДЕД ТВОЕГО ДОСТОПОЧТЕННОГО ДЕДА.

«БОЮСЬ,
СОВРЕМЕННОМУ ГЛАЗУ
НЕДОСТУПНО ВСЕ ВЕЛИЧИЕ
ПОДОБНЫХ ЛИЧНОСТЕЙ...»

«...А РАЗУМУ НЕПОДВЛАСТНО
ОБЪЯТЬ ДИНАМИЧЕСКУЮ
ЭНЕРГИЮ, ТРЕБУЕМУЮ,
ДАБЫ ПРЕТВОРИТЬ ИХ УСИЛИЯ
В ЖИЗНЬ».

ВАН...
ВАН БУРЕН?

СИЯТЕЛЬНЫЙ ПРЕДОК
СО СТОРОНЫ РЭТБАНОВ - СЕМЬЯ
МОЕГО ДЕДА, ЕСЛИ ПАМЯТЬ
МЕНЯ НЕ ПРОВОДИТ.

ПРАВО, РОБЕРТУС,
ТЫ НА ГЛАЗАХ СПАЛ С ЛИЦА.
МОЖНО ПОДУМАТЬ, ЭТО ТЫ
ХИЛЫЙ ИНВАЛИД НА ПОРОГЕ
СМЕРТИ, А ОТНЮДЬ НЕ Я.

НАДЕЮСЬ,
ПРИЧИНОЙ ТОМУ
НЕ ИНФЛЮЭНЦА,
ЧТО НЕ НАВЕЩАЛА
ПРОВИДЕНС
УЖЕ ГОД С...

Я И-НЕ... МНЕ...
ПРОСТО НЕМНОГО... НЕ ПО СЕБЕ.
МНЕ ЛУЧШЕ ВЕРНУТЬСЯ
К СЕБЕ НА КВАРТИРУ.

ПРАВО, КАК ГРОМ
СРЕДИ ЯСНОГО НЕБА...
НО Я ПОМНЮ О ТВОЕЙ НЕДАВНЕЙ
УТРАТЕ И ВСЕЦЕЛО ПОНИМАЮ.

Б-БОЛЕЕ ТОГО,
ЛУЧШЕ Я НАПРАВЛЮСЬ
В НЬЮ-ЙОРК. Я...
Я УЖЕ СЛИШКОМ
ЗАДЕРЖАЛСЯ.

ОБМЕНЯЙСЯ
МЫ МЕСТАМИ,
Я БЫ ВНЕ ВСЯКИХ
СОМНЕНИЙ ТОСКОВАЛ
ПО ПРОВИДЕНСУ.

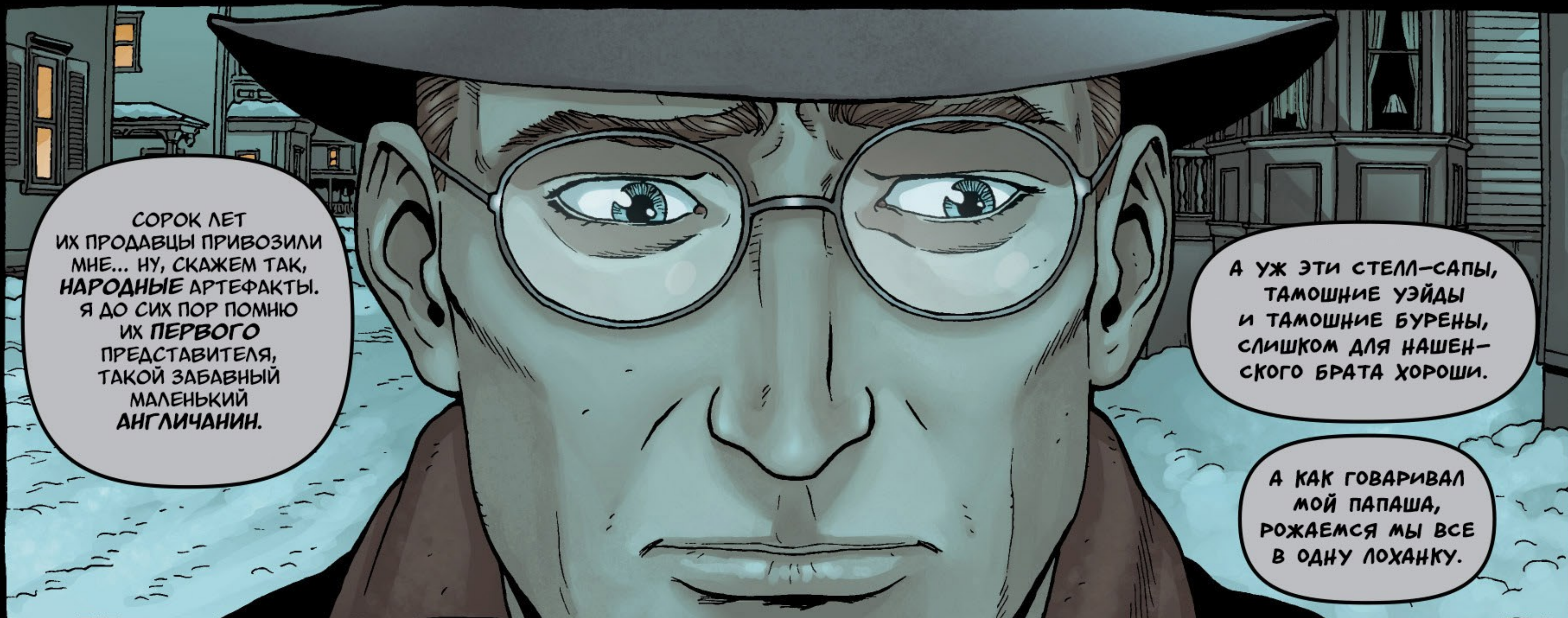

Я - ПРОСТИ,
ЧТО Я ТАК СБЕГАЮ.
П-ПРОСТО...

Я ПРОСТО...

ДОРОГОЙ
МОЙ ДРУГ, ЗАВЕРЯЮ,
ЧТО РОВНЫМ СЧЕТОМ
НИКАКИХ ОПРАВДАНИЙ
НЕ ТРЕБУЕТСЯ.

ПОДОЗРЕВАЮ,
ЧТО ТВОЙ ВИЗИТ
ПРЕВРАТИЛ ДЕДА
ТЕОБАЛЬДА В АВТОРА,
СТАТЬ КОТОРЫМ ЕМУ
НАПИСАНО НА РОДУ.
ПОКОЙНОЙ НОЧИ,
РОБЕРТУС. ДОЛГОЙ
И УСПЕШНОЙ КАРЬЕРЫ
ТЕБЕ.

В истории про СБАВИТЕЛЯ
ПРЕПИСАНО БЫТИ РЕХНУТОМУ
ДЕДУ, БЕЛОРОЖЕЙ БАБИЩЕ
И СТРАХОЛЮДНОМУ МАЛЬЧИШУ.

СЮДА ОН ПРИШЕЛ
С ПРИЯТЕЛЯМИ... СРЕДИ НИХ
МИСТЕР УЭЙД ИЗ САЛЕМА
И ЕЩЕ ОДИН, АНГЛИЧАНИН,
СОГЛАСНО ПОКАЗАНИЯМ
ФОРЕСТЕРА.

ЭМ-М. ЭТО БУРЕН,
ВАН БУРЕН, ЧТО-ТО
В ЭТОМ РОДЕ.

А, КХМ, ЧЕЛОВЕК РЯДОМ - КАЖЕТСЯ,
ЭТО КАКОЙ-ТО УИНСТОН. АНГЛИЧАНИН,
ЗАНИМАЛСЯ ДРАГМЕТАЛЛАМИ.

ЭТО, М,
ЭТО МИР **СНОВ**, КОТОРЫЙ,
М, КОТОРЫЙ ПОДАВЛЕН
НАШЕЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ.
ЭТО ЕГО ОНИ, М, ОНИ ХОТЯТ
ВОССТАНОВИТЬ.

В 1889 ГОДУ
СОСТОЯЛСЯ
ДОГОВОРНОЙ БРАК
РАДИ ПЕРЕДАЧИ
ЗВАНИЯ ПО
НАСЛЕДСТВУ.

РАЗУМЕЕТСЯ,
ПО ВЗАИМНОМУ СОГЛАСИЮ.
ДОЧЬ ГЛАВЫ НАШЕГО ОРДЕНА
ВЫШЛА ЗА ЕГО ПРОТЕЖЕ, УЧЕНИКА,
ЗАНИМАВШЕГОСЯ МЕТАЛЛАМИ.

К СЧАСТЬЮ,
ПОТОМСТВО ОНИ
ПРИНЕСЛИ НЕМЕДЛЕННО.
ИХ РЕБЕНОК АВТОМАТИ-
ЧЕСКИ СТАЛ КАНДИДАТОМ
НА ОФИЦИАЛЬНЫЙ
ПОСТ «ИЗБАВИТЕЛЯ».

27 декабря 1919

Дорогой Том,

Надеюсь, ты помнишь меня, как я помню тебе. Я был тем журналистом, кто хотел написать книгу о древних верованиях в современной Америке.

С тех пор столько всего случилось. Теперь я сомневаюсь, кто закончу книгу.

Я в комнате в Провиденсе. Вдали - старинная церковь.

В ее колокольне, кажется, лежит метеорит, забраный с места падения у Мангестера, Нью-Гемпшир. Об этом известно ФБР.

Том, мне отчаянно не хочется, чтобы ты принял меня за сумасшедшего.

Эти древние верования - не то, что я думал. Мне кажется, в Америке что-то произошло.

В триморском Салеме живут люди, которые, кажется, не люди. ФБР должно быть известно и о них.

И Сейдан в Ред-Хукке. У него под домом что-то происходит. Не уверен, но это может быть связано с детьми.

Они по всей Новой Англии, Том, эти люди и их страшные знания.

Я сказал, что подарю тебе свою книгу,
так что присылать это - в другом
виде она существовать не будет.

Здесь все. Кажется,
даже способ предотвратить то,
что уготовано миру.

А может быть, для этого уже
слишком поздно. Для меня
точно поздно.

Меня затронуло то, чего я
не понимал, и клянусь богами,
Том, оно меня поглотит.

Я жалею, что приехал сюда.
Жалею, что покинул Нью-Йорк,
что покинул тебя.

Сейчас мы могли быть вместе.
Дни после Рождества, игра
в снежки в Центральном парке.
О, Том, как жаль, что мы не...

ЧТО?..

АААА!

О БОЖЕ.

О БОЖЕ...

О!

О,
ПОМО-
ГИТЕ!

КТО-НИБУДЬ,
НА ПОМОЩЬ!

УУУУУХХХ...

УХХХ! О, ПРОШУ,
ПРОШУ...

ННННН...

НЕТ, НЕТ,
НЕТ. НЕТ,
ТОЛЬКО...

НЕ СУЩЕ-
СТВУЙ.

МЫ
ПРИВЕШТУЕМ
ТЕБЯ.

В НАШИХ ОЧАХ
ТВОЯ ШЛУЖБА
БЕЩЕННА.

ПОШЛАЕЦ,
ТВОЯ ВЕШТЬ ДОШТАВЛЕНА.
ТВОЙ ШРОК ПОДОШЕЛ
К КОНЦУ.

Я СОШЕЛ С УМА.
О, МАМА, Я ОБРЕЧЕН.
Я ОБРЕЧЕН НАВЕКИ...

Я У СЕБЯ В КОМНАТЕ.
Я В ЦЕРКВИ.
Я В КОМНАТЕ.
Я В ЦЕРКВИ...

МЫ ШЛОВО
ПАПИРУША
ТЫШАЩЕЛЕТНЕЙ
ДАВНОШТИ.

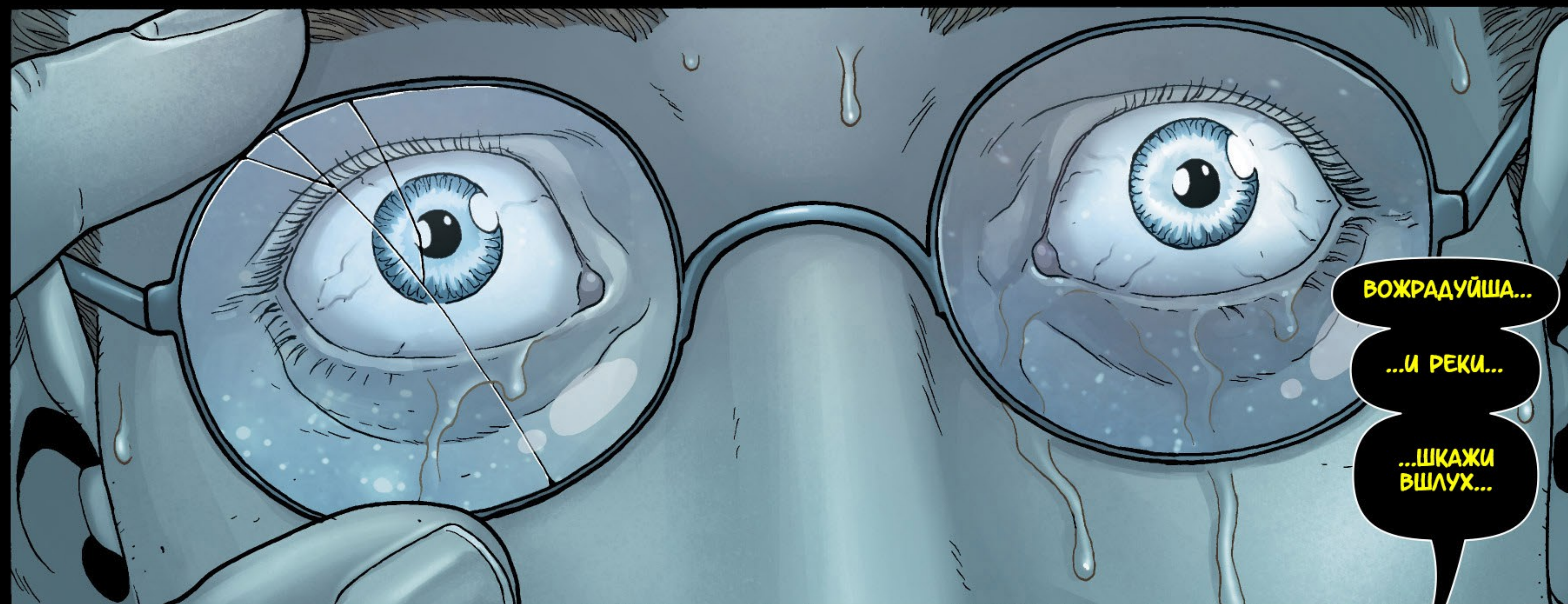
ШЕЙЧАС ЕШТЬ
РАНЬШЕ.

ПРОБИЛ ЧАШ
ФЕШТИВАЛЯ.

ВОЖРАДУЙША.

...М...

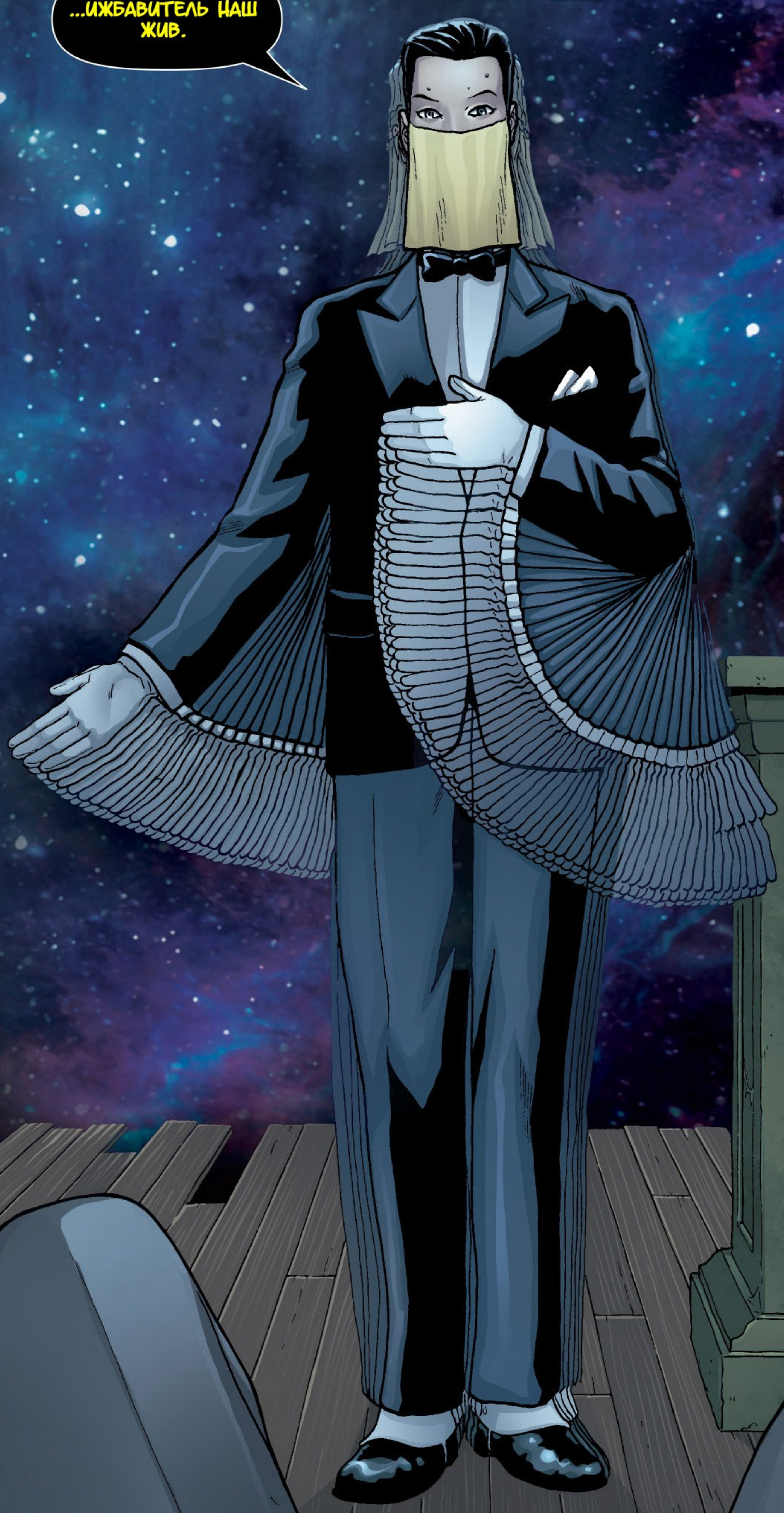

ВОЖРАДУЙША...

...И РЕКИ...

...ШКАЖИ
ВШЛУХ...

...ИЗБАВИТЕЛЬ НАШ
ЖИВ.

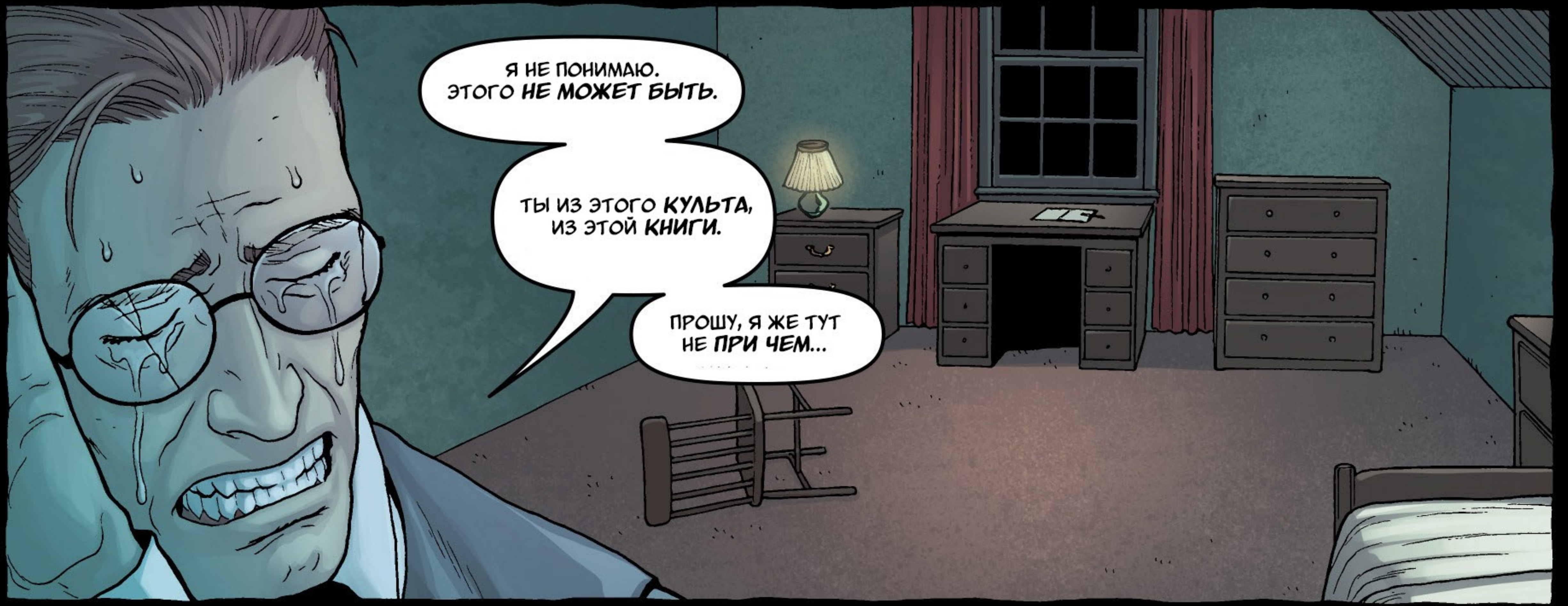
ooo! oooo! что это?
что это? что ты такое?

Я ЕШЬ
ПОДМОЖЕСТВО
ИХ ЧИШЛА.

ЕШЬ ШИШТЕМА
ЕГО РЕЧИ.

ЕШЬ ЕГО
ГОЛОС.

Я НЕ ПОНИМАЮ.
ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ.

ТЫ ИЗ ЭТОГО КУЛЬТА,
ИЗ ЭТОЙ КНИГИ.

ПРОШУ, Я ЖЕ ТУТ
НЕ ПРИ ЧЕМ...

ДА,
ПРИ ШОМ.
ИБО ЧЕРЕЗ
ПОШЛАНЕЦ.
И ЧЕРЕЗ
ПУТЬ ЕГО.

ТАК... ТАК ТАМ
И **БЫЛО**. ТАК И **БЫЛО**
СКАЗАНО В КНИГЕ.

НО, НО, НО ПРИ ЧЕМ
ЗДЕСЬ Я? Я НЕ...

МЫ ШЛОВА НА ПАПИРУШЕ
ТЫШЕЩЕЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ.

ПРОШУ, МИШТЕР БЛЭК,
ШАДИТЕСЬ. ВАМ ШТАНЕТ
НАМНОГО ПРОЩЕ.

С-СПАСИБО...

МИШТЕР БЛЭК,
ЭТО ВЫ
ЗАШЛУЖИЛИ
БЛАГОДАРНОСТЬ.

НЕШМОТРА
НА ТЯГОТЫ
И ОТШАЯНИЕ,
ВЫ ИШПОЛНИЛИ
ПРОРОЩЕСТВО,
ВЕРНО?

ВЫ ПРИНЕШЛИ
НАШИ ИШТОРИИ В **ПРОВИДЕНШ**.
ВЫ ДОШТАВИЛИ БЛАГУЮ ВЕШТЬ
НАШЕМУ ИШКУПИТЕЛЮ
И **ИЖБАВИТЕЛЮ**.

ЭТО ОН, Д-ДА?
ЛАВКРАФТ.

Я, Я,
Я ВЕРНУСЬ
В НЬЮ-ЙОРК
НАУТРО. Я НИКОМУ
НИЧЕГО НЕ СКАЖУ.
ОБЕЩАЮ...

ЭТО НАШ
НЕ КАШАЕТША.

ТЩЕЛЮ ВАШЕЙ
БЫЛО ПОДАРИТЬ
ИЖБАВИТЕЛЮ ТО,
ЧТО НУЖНО ДЛЯ
ВОЗВРАЩЕНИЯ МИРА
В ПРЕДЫДУЩЕЕ
ШОШТОЯНИЕ.

И-НО ОН
НЕ ЗНАЕТ. ОН...
ОН ПРОСТО ПИШЕТ
ДЛЯ БРОШЮРОК
НА МИМЕОГРАФЕ.
К-КАК?..

ЕМУ НЕ НУЖНО
ЖНАТЬ. ЕМУ НУЖНО
ЛИШЬ РАШКАЖИВАТЬ
ИШТОРИИ...

...И ВАШ ВИД
ПОВЕРИТ,
ШТО ОНИ
РЕАЛЬНЫ.

МЕНЯ ЖОВУТ
КАРКОЖА.

ЭТО...
ЭТО ИЗ РОБЕРТА ЧАМБЕРСА.
И АМБРОЗА Б-БИРСА.

ВЫ, ВЫ ЖЕ ВЫМЫСЕЛ.
В-ВЫ...

ВЫМЫСЕЛ НЕ ТО,
ШТО ВЫ ДУМАЕТЕ,
И ШУЩЕСТВУЕТ ПРОЧЕШ
ПОД НАЖВАНИЕМ ПОШТШЕ-
ЛЕКЧИЯ, КОТОРЫЙ ВЫ
ЕЩЕ НЕ ПОНИМАЕТЕ.

ЧТО ДО УПОМЯНУТЫХ
ПИШАТЕЛЕЙ, ЧАМБЕРШ
НАМ НЕ ИНТЕРЕШЕН...

...А АМБРОЖ
УЖЕ Ш НАМИ.

ЭТО... ЭТО...
Я Д-ДОЛЖЕН
ВЫБРАТЬСЯ ОТСЮДА.
Я НЕ МОГУ
ВЗДОХНУТЬ. Я...

В-ВЫ ГОВОРИТЕ,
ЭТИ ПИСАТЕЛИ - ОНИ
В-ВЗЯЛИ ИМЕНА
У ВАС. ОНИ...

НЕТ. ВШО НЕ ТАК.
Я ГОВОРЮ, ЧТО, НАЖЫВАЯ
БЕШФОРМЕННОЕ,
ОНИ ДАРОВАЛИ ЕМУ
ЛИЦНОСТЬ.

БИРЖ СШФОРМИРОВАЛ
МЕНЯ. ЭТОТ КАМЕНЬ -
АБШТРАКЦИЯ ЕГО
ТВОРЕНИЯ
ХАШТУРА...

ХАШТУР - ВЕЩЬ В СЕБЕ,
ЕЕ НЕЛЬЖА ОПИСАТЬ.
ВЫ НАДЕЛЯЕТЕ НАШ ЛИКОМ
И ШЛОВАМИ.

А ИЖБАВИТЕЛЬ
ДАРУЕТ ИМЕНА
ВШЕМ ЧАСТЯМ.

А ЭТОТ МИР БУДЕТ
ЮГГОТОМ. ВШЕГДА
БЫЛ ЮГГОТОМ.

В-ВЫ... ХА-ХА-ХА.
П-ПРОСТИТЕ.
ПРОСТИТЕ. ПРОШУ
ПРОЩЕНИЯ...

ВЫ ИЗ НАШИХ ВЫДУМОК.
ИЗ НАШЕГО РАЗУМА.
ВЫ... ХА-ХА-ХА...
ВЫ ЧАСТЬ НАС...

НЕТ. ВЫ ШОН,
ШТО ВИДИТША НАМ.
ВЫ - ЧАШЧ НАШ.

ТЫ НАДРУГАЛША
НАД МАЛТШИКОМ,
ПОТОМУ ШТО ШЕЙ КАМЕНЬ
ПОГЛОЩАЕТ ШИНЮЮ
ЭНЕРГИЮ ШЕКШУАЛЬНОГО
ВЫПЛЕШКА.

О БОЖЕ. Я Н-НЕ ЗНАЛ.
Я НЕ ЗНАЛ, ЧТО ДЕЛАЮ
ЧТО-ТО НЕПРАВИЛЬНОЕ.
Я НЕ ЗНАЛ, ЧТО БУДУ
НАКАЗАН...

ВШО ПРАВИЛЬНО.
ВШЕЛЕННОЙ ВШО РАВНО.
НЕ НАКАЖАТЬ Я ПРИШЕЛ,
НО ПЕТЬ ХВАЛУ.

Я ЯВИЛША ВОЖНАГРАДИТЬ ТЕБЯ ЗА ПОДВИГ.
УЖРИ, ИБО Я УНИЖУЩ ПРЯД ТОБОЙ.
ИБО Я ПРЕКЛОНЮЩ ПРЯД ТОБОЙ...

АААА!

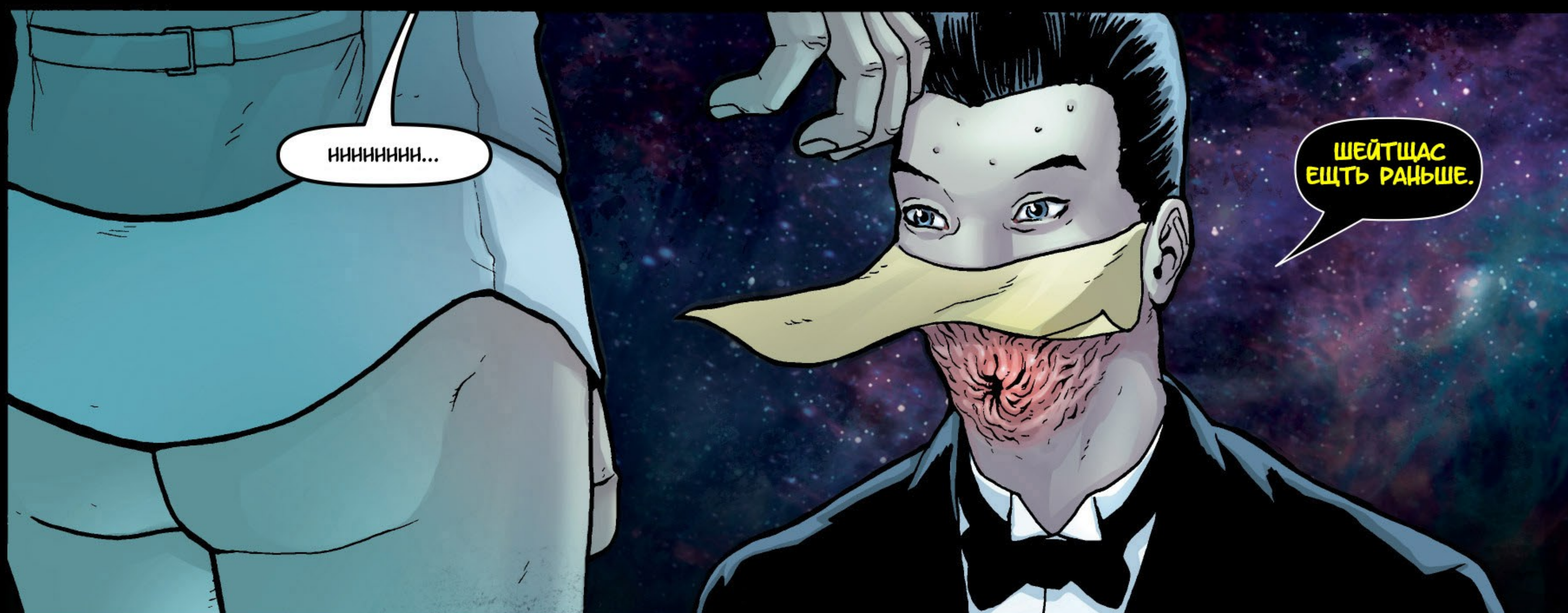
АААБОЖЕБОЖЕБОЖЕ...

О НЕТ, НЕТ, ПРОШУ!
ПРОШУ, НЕ НАДО...

**ВШЕ НАШИ ШПОДВИЖНИКИ
ДА БУДУТ ВОЖНАГРАДЦЫ
ПО ЖАШЛУГАМ ИХ.**

**ХАЛИД ИБН ЯЖИД
КУПАЕТША В ОЗЕРЕ
ФЛУОРЕШТЕНТНОГО ГАЗА
У ЗВЕЗДА ТЕЛЬТША.**

АУУ.

АУУУУ. О НЕТ.
О НЕТ.

АУУУ...

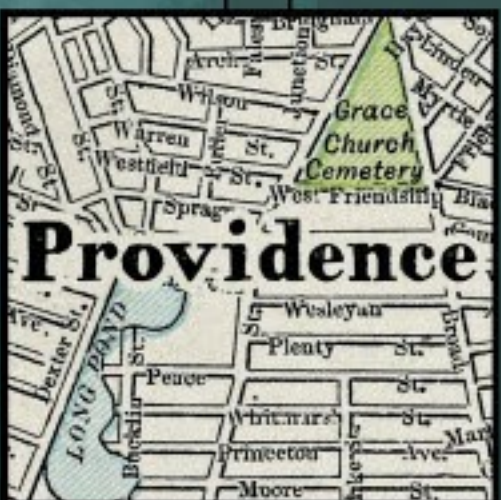

АУУУУУ...

шшшш

шшшш

28 ноября

Я заметил, что минуло уж две недели с моей последней записи, так что, похоже, пришло время для обычных утомительных извинений перед самим собой, оставленными литературными амбициями и этим дневником. Если быть откровенным, я с удовольствием дал себя увлечь водовороту этого прекрасного и странного новоанглийского города, как и своему несравненному хозяину - великодушному Говарду Филлипсу Лавкрафту. Я изо всех сил стараюсь не злоупотреблять его гостеприимством, чтобы не стать обузой, но даже при этом я провожу с Говардом много времени - либо по его адресу на Энджелл-стрит с тетей, либо регулярно заглядывает и приносит его стакан молока, либо в прогулках по старинным улицам, которые он так любит. Хотя мне присуще низкое мнение о себе и я постоянно боюсь ему наскучить, надо заметить, что он ценит наши встречи почти так же высоко, как ценю их я сам. Иногда я сомневаюсь, что это объясняется моими достоинствами как писателя или человека, и полагаю, что, скорее, здесь прослеживается родство с моими отношениями с Рэндаллом Карвером из Бостона: гениальным умом и литературным талантом, лиричной компанией, способной оценить его по достоинству или понять его искрометные речи. Но по какой бы причине мы ни ладили, должен признать, что пертовски этим наслаждаюсь. В компании Говарда, узнавая о нем и о механике работы его необычного разума, уверен, я получаю бесценное литературное образование - не хуже того, что получил бы, сидя взаперти и безвылазно работая над романом. По крайней мере, так я себе твержу.

Точности ради укажу, что наши вышеупомянутые идиллические прогулки по Провиденсу все более редки, что я списываю на недавние заморозки. Судя по тому, на что намекал Говард, у него начинаются проблемы со здоровьем, стоит столбик термометра опуститься ниже определенного уровня, и раз или два он был близок к впадению в гипотермическую кататонию от холодной температуры. Из-за описания болезни кажется, словно он хладнокровное существо, как рыба или рептилия, и потому не способен выделять тепло - если не ошибаюсь, это называется пойкилотермия, только сомневаюсь, что она присуща людям. Возможно, Лавкрафт просто необычно чувствителен к похолоданию, что, конечно,

не делает его хворь менее гребатой. По этой причине мы в основном оставались в стенах его уютного дома на Энджелл-стрит в окружении книг и рукописей, что тем не менее меня всецело устраивает. Что там — эта комната стала для меня затальным раем, и в те дни, когда я остаюсь наедине с собой у м-с Уиллитс на Колледж-стрит или исследую Провиденс, я ловлю себя на мечтах о времени, которое проведу в комнате Говарда.

Не знаю, с легко и нагать списывать все, о чем мы говорили. Хотя меня не покидает ощущение, что мой друг по большей части самоучка, диапазон тем, по которым у него найдется остроумное и осведомленное мнение, захватывает дух. Его познания в астрономии — по крайней мере, с моей ограниченной точки зрения, — блестящи, и он показывал мне самодельные газеты, которые публиковал в детстве, с последними новостями о космических событиях, а также колонки об астрономии в местных изданиях. Оказывается, инцидент с взорвавшейся звездой поблизости от Алголя был настоящим событием, о котором передали как раз в то время, когда он взялся за работу над «За стеной сна», и поэтому он включил его в нарратив, хотя теперь с пристыженным видом сообщает, что с тех пор успел осознать простой факт: свет от взорвавшейся звезды должен быть тысячелетней давности, что подрывает развязку истории — по крайней мере, со строго логической точки зрения. Его несколько утешило, когда я сказал, что не замечал этого изъяна, пока мне на него не указали, и поэтому сомневался, что его заметят другие. А если и так, сам рассказ — такая гудесная фантазия, что недостаток научной точности не может его испортить. Согретый этим знанием, Говард вспомнил когда-то виденное письмо за авторством Герберта Уэллса, где Уэллс опасался, что ему придется отправить последнюю книгу — «Человека-невидимку» — ни много ни мало в корзину для бумаг, когда он осознал, что если ни одна часть его персонажа не отражает света, то он сам ничего не может видеть. Сойдись со мной во мнении, что книга Уэллса несколько не потеряла ввиду этой ущербной логики, Говард немедленно повеселел и выразился в той струе, что его досада во многом изгладилась, раз его научная неточность оказалась в такой поттенной компании. Хотя, конечно, он выразился куда более элегантно.

Мы ни в коем случае не ограничивались межпланетар-

ном контекстом, но я включаю его, чтобы передать колорит наших разговоров, савабивших политику, недавнюю войну, множество невероятных художественных произведений в целом и Эдгара Аллана По в частности, стихи Поупа и Драйдена (сказалось, что Лавкрафт - и замечательный поэт, хотя он сокрушается по поводу переизбытка маньеризмов XVII века в своих виршах), атеизм, его материалистскую философию и неизбывную любовь к древней истории, особенно римской. Конечно, он невероятный англофил, но я думаю, часть увлечения Римом берет начало в сознании, что имперские легионеры некогда покоряли и в некоторой степени преобразили английские пейзажи. Он говорил мне, что давно мечтал найти какие-либо хотя бы и спекулятивные области археологии, предполагавшие римское присутствие в древней Америке, на основании чего он смог бы выстроить поразительную странную историю, но как рационалист он понимал, что подобное допущение совершенно безосновательно. Так мы говорили и говорили, пока, наверное, во всем божьем творении не осталось тем, не притянувшись на орбиту наших дебатов. Лавкрафт - человек, которому интересно буквально все, и мне кажется, поэтому он сам столь интересен и занимателен - по крайней мере, отчасти поэтому.

На этой неделе мы виделись часто, и, хотя кажется, что я ему не надеваю, эти выходные я решил представить ему самому. Он одолжил мне пару книг из библиотеки и еще пару своих собственных сочинений, включая рассказ под названием «Белый корабль», так что они должны меня занять до следующего свидания. Возможно, я и сам выйду на прогулку на этих выходных, но в остальном мне вполне удобно и уютно в комнате на Колледж-стрит. Я все еще перевариваю обильный обед, который приготовила м-с Уиллетс, и, хотя в последние дни темнеет довольно рано, я с удовольствием сижу за письменным столом, который передвинул прямо под окно с великолепным видом на Провиденс, которому позавидовал даже Говард. Проведя здесь несколько недель, я начал ориентироваться в городе, так что со своего вороньего гнезда вполне понимаю, на какие районы Провиденса падает мой взор. Например, на западной стороне города стоит башня - на этом расстоянии крохотная, - в ней я признаю ипсилон заброшенной католической церкви святого Иоанна, где две недели назад, когда только прибыл в Провиденс, я провел

интересное и насыщенное время с юным Говардом Чарльзом. Не считая эрудированной и бесконечно просветительской компании Лавкрафта, м-р Чарльз тоже послужил основой для некоторых моих мечтаний, хотя они по своей природе не столь литературные. В те все более редкие случаи, когда я гуляю с Лавкрафтом, на улицах города нет ни слуху ни духу его юного тезки, но, возможно, это и к лучшему, памятуя о том, что сам Говард не стремился продолжать наше знакомство по множеству причин, которые мне совершенно понятны.

Что ж, смеркается, и я уже потерял из виду ипсилон святого Иоанна. Пожалуй, лучше закончить на этом и попробовать избежать усилий моей хозяйки превратить меня в такую же объемную колоду, какой, судя по появившимся на глаза фотографиям, был ее покойный муж. М-с Уиллетс - замечательная повариха, так что еда всегда аппетитная, а потому возникает дилемма: если я не хочу окончить свои дни лудовицкой кувей лярда, нужно проявить силу воли. Возможно, сегодня я откажусь от десерта... пожалуй, смотря по десерту. Затем, после ужина, можно засесть за чтение «Белого корабля» и других вещей, одолженных Говардом. С моей дисциплиной можно догадываться, что пройдут еще недели, прежде чем я вернусь к этим страницам, но время покажет.

30 ноября

Подумать только! Хотя раз я приятно себя удивляю. Проглянув в вечер пятницы образцовый «Белый корабль» Говарда и проведя весь вчерашний день в праздничатаниях по Провиденсу - можно сказать, витаая в облаках, - я наконец решил сесть и попытаться придать своему роману какую-то жизнеспособную форму. Центральный персонаж, думается мне, молодой человек лет тридцати. Он образован, но вынужден ввиду экономических обстоятельств оставить дом где-нибудь в Милуоки (по принципу «пиши о том, что знаешь»), чтобы найти работу дальше на востоке. Кажется, нужно дать ему имя. Я знаю, что такие подробности могут подождать до более поздних стадий процесса, но сомневаюсь в своих силах достоверно воплотить персонажа, пока хотя бы не пойму, как его называть. Между концом предыдущего предложения и началом этого прошла двадцатиминутная пауза, но, кажется, я решил, что его будут звать Джонатан.

Джонатан Рэндалл - вот какие имя я вижу. Возможно, под влиянием Рэндалла Карвера. Да, это мне нравится.

Итак, юный Джонатан Рэндалл осознает, что его мечтания о жизни литератора придется отложить в долгий ящик, дабы не растрачивать впустую скудные ресурсы родителей, и что он должен проложить собственный путь в мире - при помощи ручного труда, если потребуется, - чтобы стать самостоятельным взрослым, каким он стремится быть. В первых сценах - возможно, из детства Джонатана, - должен произойти выдающийся инцидент, который предвестит сверхъестественные или психологические странности, что будут править бал в следующих главах. Подумав, я прихожу к выводу, что это идеальное место для появления мотива моста, с которым я уже игрался на этих страницах: раз я уже привязался к своим первым пассажам, написанным ранее, - с долгими описаниями Америки в виде заповедника для всех религиозных либо же оккультных визионеров, - думаю, оставлю их как есть в качестве некоего пролога, предвосхищающего необходимое настроение, а затем начну роман по-настоящему, с Джонатаном и его одноклассниками за шалостями летним днем в каком-нибудь удаленном и заросшем свраге, где две стороны лога соединяет шаткий и скрипучий мост с отсутствующими досками и стертыми веревками. Пожалуй, можно ввести главные темы и идеи истории в диалоге двух товарищей, хотя и выразив их в соответствии с их возрастом и ограниченным опытом. Возможно, они возбужденными мальчишескими голосами обсуждают на все лады какую-то местную легенду, историю о призраках или сказку из фольклора, связанную с мостом или сврагом. Это даст мне мотив - вечное мальчишеское увлечение жутью - для того, чтобы они пришли к этому зловещему месту для игр, а также поможет обосновать одержимость Джонатана фольклорной тематикой, ведущей сюжет в продолжении романа.

Что же произойдет там, у лесного лога в идилли-леский день проказ? Я еще не уверен. Наверное, пока не привык к вымыслу. Например, в данный момент я пишу под воздействием внутреннего голоса или инстинкта, утверждающего, что юный друг Джонатана не переживет первую главу, встретив в старом свраге какой-то страшный конец на глазах уstraшенного юного Джонатана. Если честно, этот порыв мне удивителен, ведь до того сцена

представлялась в ностальгическом золотом свете, теплой от детской дружбы, даже заходящей на территорию Тома и Текльберри. Но убить невинного мальчика в самом начале книги - это может быть более дерзким и ужасным? Кроме того, сомневаюсь, что мне хватит духу выписать такую сцену - с подробным пассажем о том, как несчастного прибирают ужасы мира. Нет. Эту идею лучше выкинуть из головы. Хотя...

Хотя это придаст особую весомость последующей сдвиге Джонатана - если его будет гнать вперед какая-то тайна или трагедия детства. Возможно, лучше сказать - «тайна». Почему-то мне приходят на ум случаи нервического шок, наблюдавшиеся среди вернувшихся с войны молодых солдат, когда они были не в себе и не могли подробно изложить событие, которое привело их в такое плачевное состояние. Что, если начать сцену так, как я уже предложил, - в виде солнечной идиллии со всей приключенческой преданностью, что вытекает из дружбы двенадцатилетних? Я передам упомянутые элементы в захватывающем разговоре мальчишек, сидящих и созерцающих долгие послеполуденные лучи солнца, падающие на дикий бурьян врага, и доведу их задорные реплики до удовлетворительной точки, прежде чем, например, прервать главу передой звездочек. Потом я перескожу прямым к событиям несколько часов спустя, когда поисковая партия или перепуганные родители находят Джонатана бесцельно шатающимся в темнеющей глуши вокруг каньона без единого воспоминания о том, что произошло и что случилось с его юным другом, который пропал бесследно. Дни перетекают в недели, месяцы и годы, и наконец трагедия превращается в рациональные слухи о каком-то жутком несчастном случае, когда мальчики дурачились на старом безопасном мосту, один из них упал в непроходимые заросли врага и его останки растащили звери, а второй испытал такой шок, что стер из мыслей все событие целиком и вырос до зрелого возраста с не более чем раздражающим и тревожным пробелом в прерванной памяти на месте происшествия. Вообще-то чем больше я об этом думаю, тем больше убеждаюсь, что это очень продуктивный сюжетный ход, который не только идеально подготовит к роману, но и даже дарит несколько идей о его завершении. Попросту отказавшись описать мрачную кончину юного друга Джонатана (из-за чего я уже испытал угрызения совести), я открою шкапушку Пандоры интригующих возможностей и предположений. Стал ли мальчик жертвой не

более чем совершенно заурядного, хотя и трагического несчастного случая? Возможно, его похитил или прикончил какой-нибудь ненормальный бродяга, о которых мы так часто слышим в эти дни, или за его исчезновением лежит что-то невероятное и недоступное нашему пониманию? Связана ли пропавшая со слухами и мифологией касательно лова, который компаньоны обсуждали в начальных абзацах?

Конечно, на данный момент я не имею и малейшего представления, что случилось с товарищем Джонатана, но не теряю уверенности, что все подробности прояснятся, как только я более полно выпишу дальнейшую историю Джонатана. Придав подробным иррациональным событиям интересу персонажа к фольклору твердую, неизбежную посылку, думаю, с самой минимальной экспозицией я могу проследить следующие двадцать лет и перейти к телу романа, где Джонатан уже вырос и вынужден ввиду обстоятельств оставить Милуоки в поисках работы в лукеземных краях, в итоге оказавшись в Новой Англии. Пока я не уверен, что за район Новой Англии выберу, но, судя по названию романа, предполагаю, что события будут разворачиваться вокруг Марблхеда, так что, возможно, туда Джонатан и стремится в течение сюжета, знает он то или нет, и там наступит кульминация сочинения (а значит, мне придется посетить сам Марблхед и тщательно исследовать его, как только я закончу в Провиденсе). Возможно, в течение книги я разбросаю моменты, когда Джонатан задумывается о раздражающем просеб просебе в памяти об исчезновении друга, извлекая из мрака то одну, то другую загадочную деталь, пока набирает силу зловещее повествование. Возможно, в самом конце романа Джонатан наконец вспомнит, что произошло тем знаменательным летним днем, в то время как его собственная история неминуемо подойдет к последнему откровению, таким образом подарив моей книге двойную кульминацию? Возможно, Джонатан может запоздало начать собирать маленькие намеки — «загадочные детали», упомянутые несколькими строками выше, — чтобы наконец проникнуть в природу странных событий и личностей, окружающих его самого, но только тогда, когда уже будет поздно предотвращать кошмарные последствия, которые он навлечет на себя своими расследованиями. Кажется, что-то вырисовывается.

Пережитывая, я осознаю, что стою перед выбором: сгинет

ли Джонатан или возблагает над «кошмарными последствиями» в конце романа. Должен признаться, я склоняюсь к первому, хотя это и означает унижение персонажа, с которым — я уже уверен — к этому времени я сроднюсь. Я просто чувствую, что развязка с победой над угрозой, как в «Дракуле» Стокера, разрядит и умалит всепроникающее ощущение ужаса, которое автор произведения с таким трудом нагнетал до этого момента. В моем представлении о сверхъестественном ужасе у людей нет ни малейшего шанса даже во всей полноте осознать, с чем они столкнулись, не говоря уже о победе посредством клишированных отваги и непоколебимости. И раз уж я занялся критикой «Дракулы», надеюсь, мне удастся избежать удобных талисманов или надуманных слабостей у моего антагониста(ов?), чтобы достать их из шляпы в последнюю минуту ради оптимистичной концовки. Я знаю, все читатели «Марблхеда» будут желать Джонатану успеха, в том числе, смею предположить, и автор, но мне хочется, чтобы книга увлекала страшной скоростью развития событий, и сомневаюсь, что эта скорость приведет к благоприятной концовке. Также мне кажется, что включение макабрических, фантастических элементов означает, что мою книгу априори вычеркнут из списка серьезной литературы, но на данный момент не уверен, что меня это сколько-нибудь заботит. За время встреч с воздушевленными любителями вроде Лавкрафта или Рэндалла Карвера я пришел к заключению (или, вернее сказать, убеждению), что узкие и выхолащенные области литературы — вовсе не те территории, что мне интересно исследовать, тогда как в мире мимеографических журналов, с которыми меня познакомили мои новые друзья, я чувствую энергию и свободу выражения. И несмотря на то что Карвер и (особенно) Лавкрафт — подгёркнутые любители старины, меня не покидает чувство, что их подражание устаревшим стилям и маньеризмам указывает на какую-то новую современность, а то и предвсхищает будущее. Имеет ли смысл спорить, что в любом произведении, стоящем свеч, автор должен быть готов идти туда, куда его зовет муза, по тропе страсти и убеждений, нежели чем становиться рабом усмирённых конвенций момента?

Фуа! Знаете, может, это всего несколько страниц, но они — результат многочасовой работы.

Я словно впервые что-то понял. Знаю, предстоит еще немало трудов над событиями романа и их порядком, плюс с меня приимается подходящее поразительное объяснение того, что случилось с пропавшим мальчиком в браке, но, если только я себя не обманываю, кажется, у меня есть хотя бы зачатки структуры книги; хребет, на котором будут держаться прочие элементы. Еще у меня есть твердое убеждение, что я напишу этот роман в полную меру способностей, доведя до ~~предела~~ предела неудержимое воображение, — эти уроки я хорошо усвоил за время знакомства с Лавкрафтом и Карвером, плюс благодаря желанной встрече с творчеством лорда Дансени. И, должен сказать, оказалось очень здорово наконец сесть и начать работать, а не избегать этой требовательной задачи с чувством терзающей вины, почти уверовав, что мне все равно не дано быть писателем. Теперь же я чувствую, что эта вещь будет написана и изменит мою жизнь к лучшему. Я почти вижу, как держу в руках опубликованную книгу — всего через год или два. Надеюсь, я себя не дурачу, но это видится так отчетливо, что мне начинает казаться, будто именно такой исход уготован мне судьбой, фортуной или как это назвать. Все встанет на свои места. И это будет значить, что смерть Лили привела хоть к чему-то хорошему, что это не была напрасная утрата. Что уж, в своих дисциплинированных трудах и писаниях я сам не заметил, как пертовски проголодался, так что, пожалуй, стоит спуститься и проверить, не оставила ли м-с Уиллетс намерения набить меня до отвала ужинами. Возможно, продолжим завтра.

23 декабря

А может, и нет. Сказать по правде, последние две или три недели были таким вихрем прогулок и разговоров (в последнее время, признаться, больше разговоров, чем прогулок) с Говардом, что я пренебрег даже иллюзией регулярного обращения к этим страницам — впрочем, я хотя бы перебирал идеи для «Марблхеда» в голове и чувствую, что роман сдвинулся с мертвой точки. У меня даже появилась яркая идея о том, что на самом деле случилось с пропавшим другом Джонатана, — она пришла мне в голову на прогулке прошлым утром. Идея неподдельно пугающая, хотя, думаю, я еще покаю ее в мыслях и отполирую, испытав на

противоречия, прежде чем перенести на страницы. Возможно, вскоре после того, как в Провиденсе улягутся рождественские празднества, — хотя, вероятно, стоит объяснить и мою задержку, и нежелание облесть не доведенную до ума идею в письменной форме, сообщив, что почтенный м-р Говард Филиппс Лавкрафт выразил интерес к содержимому тетради для заметок, так что до окончания праздников она останется в его распоряжении для изучения — возможно, до 27-го, когда он согласился показать мне домовладение, где м-с Уитман наслаждалась, а вернее, тяготилась вниманием покоренного ее парами Эдгара Аллана По. Следующие несколько дней у меня не будет доступа к этому дневнику, поэтому-то я и решил его обновить, прежде чем преподнести на суд Говарда на визите завтрашним утром.

Помимо увлекательных и полезных дискуссий и дебатов с Говардом — о которых он уже знает и которые я не буду в подробностях приводить здесь, рискуя ему наскучить, — последние две недели оказались очень оживленными интеллектуально. По большей части, признаться, также благодаря компании и беседам с Говардом, во время которых он познакомил меня со множеством удивительных авторов, поэтов и любительских изданий. Хотя Лавкрафт обожает путешествия по Новой Англии и совершенно не похож на пожилого стимельника, за которого любит себя выдавать, думаю, будет справедливым сказать, что большая часть его социальной активности существует благодаря почтовым услугам. Когда бы я ни пришел по адресу на Энджелл-стрит, он всегда погружен в чтение очередного письма или открытки, и у меня сложилось впечатление, что он сам пишет две или три депеши каждый день, хотя это теперь и кажется мне самому невероятным преувеличением. Однако вне зависимости от объема корреспонденции у него экстраординарный круг друзей по переписке, многие из которых могут состязаться с ним на ниве литературного энтузиазма.

Взять только один пример из дюжины: меня положительно покорило творчество молодого человека, некоего Самуэля Павмена родом из Кливленда. Я говорю о нем как о молодом человеке, хотя, учитывая привычную склонность Говарда называть своих сотворщиц внучками, Павмен вполне может оказаться такого же возраста, что и мы с Говардом, а то и старше. Он явно кажется уже зрелым в своих достижениях: публиковал стихи с 1911 года и, сказывается,

некогда состоял в переписке с пропавшим Амброзом Бирсом. Но более всего моим вниманием завладел ранний перновик невероятно прокувствованной поэмы под названием «Гермафродит» — это длинный неогреческий эпик с привкусом *fin de siècle* в элегантном и продуманном выборе слов. Но больше безупречных по форме и стилю поэмы Павлена меня заинтриговало и покорило ее содержание и то, как легендарный потомок Гермеса и Афродиты стал под его пером выразительным символом тоски и одиночества человека, разрывающегося между вкусами и темпераментами двух противоположных полов. Меня это затронуло до глубины души, и я с нетерпением жду дальнейших образчиков обретенной лирики Павлена. Судя по тому, что мне говорил Говард (он не встречался с Павленом лично, хотя они часто пишут друг другу, как и указано выше), Павлен — обладатель образцового вкуса и ранее скромно упоминал о наличии, похоже, великолепной коллекции необычных книг и артефактов, к которым мы с Говардом питаем уважение и, пожалуй, некоторую зависть. Возможно, когда я закончу с делами в Провиденсе и Марблхеде, я разошлю этого Павлена или хотя бы напишу письмо, где изведу, как высоко ставлю его творчество.

Восторг из-за открытия стольких новых и старых литературных талантов благодаря посредству Говарда оттеняет то, что я впал в необычно тревожное и неопределенное настроение без всяких достойных на то оснований. При любой рациональной оценке моих текущих обстоятельств, я должен чувствовать себя беззаботно и самоуверенно, словно кум королю: я наконец справляюсь после смерти Лили и жуткого нервного срыва и галлюцинаций, которые пережил после; кажется, я наконец покончил с исследованием не самой приятной темы *Stella Sapiente* (а это, сказать по правде, облегчение невероятное); а лучше всего — я достиг главной цели путешествия по Новой Англии, собрав материал и разработав план для романа, который, я уверен, изменит мою жизнь. Вдобавок я вдруг узнал о разреженном сообществе писателей, обладающих сакскими и моими литературными склонностями, в центре которого — воздвигнутая фигура самого Лавкрафта. Принадлежность к такому многоуважаемому братству — пожалуй, страсть всей моей жизни, и только по одному примеру поэзии Самуэля Павлена мне кажется, что здесь я смогу найти

родственные души. Куда больше, чем нашел бы в «Геральде». Все в моей жизни складывается замечательно, так почему же меня дожимают беспокойство и дурные предчувствия, словно моя ситуация ведет к чему-то дурному, а вовсе не к хорошему? Это некое ощущение в животе, которое лучше всего сравнить с временами в школе Милуски, когда надвигались какие-нибудь контрольные работы или экзамены, к которым я не подготовился должным образом. Хотя убей, не пойму, откуда у меня это ощущение, когда впервые за этот многострадальный год все идет хорошо.

Как бывает с любым чувством, его трудно передать в словах или поделиться его впечатлением. Это просто рассыпаться в пустяках или мыслях, которые вызывают какую-то внутреннюю пасмурную погоду. В последнее время мне снится — или по крайней мере, кажется, что снится, — множество снов, видимо, скверных, хотя за исключением редкого непроницаемого обрывка я не способен вспомнить о них по пробуждению ровным счетом ничего. Например, только этим утром я вскочил с образом в голове, кажется, связанным с начальными сценами моего романа. Я сидел на травянистом склоне, выходящем на старый свраг с полуробвалившимся мостом, прямо как в предполагаемой первой главе. Подле меня сидел — и это не так просто описать — мальчик, в котором я тут же узнал того безымянного друга, который пропадет в начале книги, хотя одновременно этот друг отчасти напоминал мне и о Пили, и, как ни поразительно, молодом Говарде Чарльзе, так радушно приветствовавшем меня в Провиденсе, когда я приехал прошлым месяцем. Единственная картина, что вспоминается из этого куда более долгого сна, — двенадцатилетний мальчишка взглянул на меня с самым отчаянным и скорбным выражением, указывая на мост опасного вида, и сказал: «Нужно было раньше закончить разговор, чтобы не пришлось совершать этот переход». Проснулся я без всяких внешних причин в слезах. Как я уже сказал, это эмоциональное смятение не имеет никакого смысла.

Также на меня порою ниспадет странные настроения и ощущения — в основном когда я нахожусь в этой комнате один. С какого-то перта это происходит, когда я ловлю себя на том, что смотрю в мансардное окно на открывающийся впечатляющий вид западного Провиденса. Возможно, из-за ассоциаций, оставшихся в сердце с времени, когда я посещал

ее с Говардом Чарльзом, обычно мой взор ищет вдали вершину церкви святого Иоанна. На таком расстоянии это не более чем точка, и все же я откуда-то всегда знаю, где ее найти, и после с трудом отвожу глаза. Хотелось бы сказать, что я лишь мечтаю или теряюсь в теплых воспоминаниях о кратком миге, проведенном в странной атмосферной камерке со старинными изданиями и репродукцией странного метеорита, но на деле я впадаю в какой-то замороженный транс и обнаруживаю, что по двадцать минут тарахлюю из окна. И, конечно, как бывает всегда, когда подолгу смотришь в одну точку, скоро зрение начинает играть над тобой шутки. Неделю назад я сам себя по глупости напугал во время как раз такого загарованного изучения церкви, когда из-за обмана разума или света поверил, всего на миг, что увидел в колокольне движение силуэта, несмотря на то что я слишком далеко, чтобы разглядеть даже окна башни, не говоря уже о том, что в них кресты. Мне приходит в голову, что нынешнее состояние нервозности, по всей вероятности, не более чем мое собственное гложущее неизбывное низкое мнение о себе, настаивающее, что, раз я наконец нашел хоть какое-то счастье, это наверняка значит, что где-то рядом ждет подвох. Лучшее попросту игнорировать пораженческие тревоги и страхи и наслаждаться тем, что хоть единожды для разнообразия мне не на что пожаловаться.

Вкратце возвращаясь к роману и существу, что Джонатан не переживет конуэвки, я вспомнил несколько мыслей касательно мастерского рассказа Говарда «Далон». В конце истории мы застаем озадаченного повествователя в снятой комнате в Сан-Франциско за планами скорого самоубийства, которое избавит его от ужасающего мира безумия и бреда, куда он ввергнут из-за мореходного путешествия. По первому протекению я, пожалуй, след это переслур драматическим и сентиментальным решением, хотя, покрутив мысли в голове, осознал, что это блестящий контрпример недостатков, отмеченных мною ранее в «Дракуле» Брэма Стокера. Тогда как в книге Стокера финальное подтверждение торжества традиций и человеческих ценностей рушит все чувство страха, которого Стокер искусно добился на предыдущих страницах, история Лавкрафта показывает куда более достоверную с точки зрения человеческой психологии реакцию на сверхъестественное и сверхнормальное (что-то по

самой своей натуре невозобразиме): когда мы сталкиваемся с тем, чего не существует и для чего у нас нет ни имени, ни представления, мы не изобретаем гениальную стратегию противостояния и не собираем все силы на борьбу. Напротив, мы сходим с ума и накладываем на себя руки. Хотя это мрачная и пессимистическая концовка истории, мне кажется, что в реалиях гужеродных литературных ужасов, которые мы обсуждаем, она гораздо ближе к истине и честнее. Оттого-то мне не верится, что приключенческое повествование с жизнеутверждающими поворотами и традициями (бесстрашные герои неизбежно торжествуют над примитивным злодеем или другой маловероятной угрозой) годится для того сорта странной истории, которую хотелось бы рассказать мне. Мне известно, что Говард так же сурово судит свои сочинения, как я - свои, и что он не считает себя основателем литературной школы, метода или традиции, - но будь это так, я бы подписался под каждым словом его учений.

Что ж, час уже поздний и меня клонит ко сну - не сомневаюсь, из-за рождественского угнетения, которым м-с Уиллетс набивает мою брешь последние недели, - так что стоит поставить точку последней записи в тетради для заметок, прежде чем принести ее домой Говарду на следующее утро, в рождественский сочельник. Мне греет сердце нетерпение Говарда в ее ожидании - хотя очевидно, что ему известен сам термин, сомневаюсь, что он ранее видел тетради для заметок. Ему приглялась по душе эта концепция, и он заведет свою собственную тетрадь, если высоко оценит мою. Кажется, ему искренне интересны мои каракули, хотя сомневаюсь, что он ждет их с вполголовы таким желанием, с каким я предвкушаю нашу экскурсию 27-го числа, когда он отведет меня не только к бывшему жилищу м-с Уитман, но и в другую церковь святого Иоанна в Провиденсе, которая, по его заверениям, находится в куда лучшем состоянии, чем заброшенная тезка на западе. Жду не дождусь.

27 декабря 1919

Дорогой Том,

Надеюсь, ты помнишь меня, как я помню тебя. Я был тем журналистом, кто хотел написать книгу о древних верованиях в современной Америке. С тех пор столько всего случилось. Теперь я сомневаюсь, кто закончу книгу. Я в комнате в Провиденсе. Вдали - старинная церковь. В ее колокольне, кажется, лежит метеорит, забраный с места падения у Манчестера, Нью-Гемпшир. Об этом известно ФБР. Том, мне отчаянно не хочется, чтобы ты принял меня за сумасшедшего.

Эти древние верования - не то, что я думал. Мне кажется, в Америке что-то произошло. В приморском Салеме живут люди, которые, кажется, не люди. ФБР должно быть известно и о них. И Сейдам в Ред-Хук. У него под домом что-то происходит. Не уверен, но это может быть связано с детьми. Они по всей Новой Англии, Том, эти люди и их страшные знания. Я сказал, что подарю тебе свою книгу, так что присылаю это - в другом виде она существовать не будет. Здесь все. Кажется, даже способ превратить то, что уготовано миру. А может быть, для этого уже слишком поздно. Для меня точно поздно. Меня затянуло то, чего я не понимаю, и клянусь богом, Том, оно меня поглотит.

Я жалею, что приехал сюда. Жалею, что покинул Нью-Йорк, что покинул тебя. Сейчас мы могли быть вместе. Дни после Рождества, игра в снежки в Центральном парке. О, Том, как жаль, что мы не

Том

Мне жаль. Как же мне жаль. Мне конец.

Не лезь в это.

Роберт Блэк

«Из всех далеких зданий холма
Федерал воображение Блейка
в особенности поражала
одна большая темная церковь.
Она была видна особенно четко
в определенные часы суток,
и на закате ее высокая башня
и конический шпиль проступали
черным силуэтом
на пылающем небе».

«Обитающий во тьме»,
5—9 ноября 1935